

Комбат Найтов

МЫ ВЗЛЕТАЛИ, КАК УТКИ...

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Комбат Найтов

Мы взлетали, как утки...

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Найтов К.

Мы взлетали, как утки... / К. Найтов — «Издательство АСТ»,
2018 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-107424-1

16 декабря 1937 года два инженера НИИ ВВС СССР поставили вопрос о создании самолета для непосредственной авиационной поддержки войск в условиях сильной ПВО противника. 2 октября 1939 года начались летные испытания ЦКБ-55 – двухместного бронированного штурмовика Ильюшина на 39-м заводе. Но, в силу множества причин, этот самолет в большую серию не пошел. Вместо него в войска поступил одноместный Ил-2, который в ходе войны пришлось переделывать в двухместный. При этом стрелок-радист оказался вне бронированного корпуса. «Возвращались тайком, без приборов, впотьмах, и с радистом-стрелком, что повис на ремнях...» – написал Высоцкий после знакомства с генералом Каманиным, командиром штурмовых корпусов (21 боевой вылет на штурмовике Ил-2) и полковником Береговым (185 боевых вылетов). Ил-2 – самый массовый самолет Второй мировой войны, выпущено было тридцать шесть тысяч машин, ставших символом той войны. Он и его модификации воевали с 1941-го до середины 1953 года. Затем штурмовая авиация была признана малоэффективной и была ликвидирована министром обороны маршалом Жуковым. Вернулись к этой идее только в 1969-м году, и через 10 лет родился «грач» или «гребешок», Су-25, способный выживать непосредственно над полем боя. Эти самолеты стоят на вооружении до сих пор, и никто теперь не говорит о том, что этот вид поддержки войск не эффективен! Как бы повернулась история, если бы этот опыт был на вооружении в сорок первом?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-107424-1

© Найтов К., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Часть 1	7
Часть 2	16
Часть 3	22
Часть 4	31
Часть 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Комбат Найтов

Мы взлетали, как утки...

© Комбат Найтов, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 127

Комары разлетались из-под ног и жундели вокруг голов старого и малого, которые пробирались через плавни еще полноводной Сырдарьи к заветному омуту. У старого были отличные «вьетнамки» – бамбуковые складные спиннинги и шестиметровые трехколенные удилища. У малого – трехколенный высушенный ивовый тальник, который мог соединяться при помощи трубок, добытых с ракетного кладбища. Чуть пыхтя и отмахиваясь от комаров, старый и малый тяжело поднимали резиновые сапоги из солоноватой грязи. Они шли к небольшому островку с омутом, образованному течением. В камышах, залитых осенним половодьем, звучно чавкали крупные сазаны. Добравшись на место, уселись – кто на раскладной стульчик, кто на кочку.

– Дядь Коль! Вон там вон прикормка лежит. Щаз достану и переснаряжу.

– Серёнька, не тронь! Пусть так, как есть, и будет. Слышь, тишина какая!

– Ну, какая тишина! Комары жундят, сазаны, вон, хлюпают!

А в уши генерал-полковника давно вонзился протяжный вой пикирующего «лапотника».

– Кои твои годы, Сережка! Еще поймешь, что такое тихо!

Часть 1

Преддверие войны. Ковно, весна сорок первого

– Товарищи сержанты! Становись! – скомандовал майор Мамушкин. И хотя мы только что приехали и очень хотелось спать, мы встали и построились, подхватив свои фибровые чемоданчики. Мы – выпускники Борисоглебского училища летчиков. Частью истребители, есть пара «бомберов» на СБ, и два «штурмовика». Прибыли, чтобы пополнить 61-й ШАП Прибалтийского особого военного округа. Шла весна сорок первого. Местечко называлось Даукша – небольшое еврейское село в трех километрах от Кейдан и в сорока пяти от Ковно. Железнодорожная станция Кейданы, куда мы недавно прибыли, была за речкой и за мостом примерно в километре восточнее от КП полка. Кейданы – такое же местечко, но чуть побольше, плюс станция, но она уже ближе к Даукше. Здесь давно селились изгнанные из других мест Европы евреи. Еще недавно это была Польша, затем эти места отошли России, потом, откуда ни возьмись, появились литовцы. Теперь это Литовская Советская Социалистическая Республика, входящая в состав СССР. Нам предстоит защищать эту часть нашей страны.

Майор Мамушкин был небольшого росточка крепыш, с довольно увесистым брюшком. Летчика он напоминал мало. Сдвинув фуражку на затылок, он осматривал прибывших сержантов. Некоторые из них были немного пьяны. Они из Ковно добирались самостоятельно и не забыли посетить рестораны и многочисленные пивные. Они знали, что по приезде их ждет казарма, наряды и построения на утреннюю и вечернюю проверки, поэтому слегка «расслабились». Проявив некоторую сдержанность, майор напомнил сержантам, что они прибыли в строевую часть особого военного округа, и потребовал соблюдать воинскую дисциплину. Наибольшую готовность выполнять это требование проявили именно нетрезвые бойцы. Майор вызывал их по одному, сверял фамилии со штабным распределением и направлял сержантов в казарму соответствующей эскадрильи. Эскадрилий было восемь. Полк был большой, кадрированный. По сигналу «Гроза» должен был развернуться в целую дивизию. Последним по списку оказался младший лейтенант Шкирятов, единственный средний командир, которому была положена не койка в казарме, а отдельная комната на квартире.

– Отличник, что ли?

– Отличник.

– А сюда чего сослали?

– Приказали, сказали, что здесь есть «Илы» и требуется готовить летный состав.

– Чему ты можешь помочь, зазнайка? Сам за ручку едва держишься!

– Как знаете, товарищ майор. Я, вообще-то, истребитель и штурмовик просто на спор освоил.

– С кем спорил-то?

– С Коккинаки, Владимиром Коккинаки, он к нам с завода первые «Илы» перегонял.

– А ну, дыхни! – Спиртным от лейтенанта не пахло. – Почему не принял командование группой и допустил употребление спиртных напитков?

– Я ехал в пассажирском вагоне, а сержанты – в теплушке. В Ковно узнал, что кроме меня еще едет группа товарищей во главе со старшим сержантом Талановым. Из училища они выехали на двое суток раньше. Вмешиваться в его действия не стал. Ехали в разных вагонах. Да и недалеко здесь. Крутой пьянки не было. Бутылка водки на всех и пара бутылок пива на нос – это мелочи.

– Но сам не пьешь?

– Нет.

– Ладно, лейтенант. Вон твой капонир, а рядом – дом комсостава, свободные комнаты там есть.

Это «там» было на южной оконечности аэродрома, ближе к плотине. Лейтенант подхватил чемоданчик и двинулся в указанном направлении. Майор некоторое время смотрел ему вслед, затем махнул почему-то рукой и направился в штаб. В штабе горел свет, там же находился и комиссар полка – батальонный комиссар Мирошкин.

– Че к народу-то не вышел, коли здесь?

– На построении увижу. Че злишься-то, Степан Наумыч?

– Ну, во-первых, пьяные все...

– Так мамка из-под юбки выпустила и деньги дала... Каждое воскресенье так.

– Да, мамлей не понравился, умный шибко и самоуверенный.

– Это с которым после построения говорил?

– Ну, да, Шкирятов его фамилия. Звание у него, понимаешь, командиром звена прислали, на штурмовики. А он одного с остальными салажатами выпуска. Странно это.

– Где его личное дело? Прижмем зазнайку, в первый раз, что ли! Завтра же облагается. А летная книжка где?

– Не видел, он ее не передал.

– А вот, нашел выписку. Гляди-ко! В сложных метеоусловиях – сорок часов, «Ил-2» – сто шесть часов, всего триста тридцать шесть часов, шесть типов самолетов. И характеристика, подписанная... Не разберу... Коккинаки, ведущим летчиком-испытателем КБ-57. Красиво пишет! Ладно, завтра поглядим на это чудо!

В три тридцать прозвучал горн, захлопали двери комнат комсостава, и я выскочил в коридор и побежал на физзарядку вместе со всеми. Командир полка еще не сказал мне, к какой эскадрилье я принадлежу, поэтому встал в строй ближайшей от меня группы летчиков. Понять, кто есть кто, пока невозможно: все в одинаковых майках и трусах, на ногах у всех одинаковые сапоги. Прозвучала команда: «Нале-во, бего-ом марш!» – и все побежали, громко топая сапогами. Зарядка была короткой, через тридцать минут подбежали к дому комсостава, подали команду «разойдись».

В летнее время жизнь в частях ВВС начиналась задолго до рассвета, но был тихий час после обеда, потом тактические или теоретические занятия, и опять на полеты. Я уже два года живу такой жизнью, исключение составили последние несколько месяцев, которые работал в ЛИСе 18-го завода в Воронеже. Там я проходил практику перед выпуском, налетав сто шесть часов на свежевypущенных «Ил-2». Таким образом Владимир Константинович Коккинаки рассчитался со мной за проигранный им спор и бой со мной. Мы здорово подружились, несмотря на большую разницу в возрасте и постоянно возникавшие споры по поводу вооружения «Ил-2», но забрать меня из ВВС ему не удалось. Помешала травма, полученная им при аварийной посадке на «Ил-4». К шапочному разбору он не успел приехать, в итоге я вместо ЛИСа завода распределен в строевую часть. Жаль, конечно, но армия есть армия. Здесь от твоего желания мало что зависит. Заодно посмотрим, что в частях творится. Я человек здесь случайный, залетный, в моем родном 2015 году служил в Липецке, в 4-м центре боевого применения и переучивания лётного состава ВВС. Так сказать, птенец Харчевского. Отгонял спарку «Як-130» в Борисоглебск и на посадке оказался в «И-15Збис». Еле сел! У Сергея Шкирятова отказала кислородная система и заглох двигатель, я успел вытащить машину из пике, запустил движок и, пока делал «коробочку», успел разобраться, где что есть. Немного полежал в госпитале с ушами, ну, а потом включился в учебу. Было немного скучновато, да и не высунуться особо, местные условия я знал совсем плохо. Первое время удавалось закосить под кислородное голодание, потом делать это стало опасно, и пришлось применять другую тактику: дескать, за ум взялся. Из слабенького троечника стал отличником и активистом-пропаганди-

стом. Терпеть не могу это занятие, но другого пути остаться в ВВС не было. Это меня и подвело: к нам прилетел Коккинаки на «Иле», и я на спор за три часа поднял тот в воздух, сдав все допуски. В итоге оказался направленным в штурмовую группу вместо истребительной, а учился на «МиГе». Но повезло с тем, что попал на завод и успешно протолкнул несколько идей по вооружению «Ила». Сейчас идут испытания, и ожидается, что новое вооружение вот-вот будет поставлено в серийное производство. Но в конце марта состоялся выпуск, и, как я уже говорил, вместо ЛИСа меня сунули под «Зеленую Задницу». Они расчехвостили 61-й ШАП за день. Но до этого гнусного события еще есть немного времени.

Оделся и иду в столовую, не забыв прихватить с собой документы. По дороге разговаривал с соседом по комнатам – лейтенант, второй год в полку, Петя Матвеев, летает на «И-153-бис-63» левым ведомым, не слишком доволен тем, что мало летали зимой, и отсутствием заданий на воздушные бои. Шли еще в темноте. Столовых на аэродроме три: командного, сержантского и технического состава. Внешне они мало чем отличаются, но внутри разница значительная: в командной столики на четверых и официантки, а в остальных – длинные столы на двенадцать человек, дневальные и дежурный по столовой. Петя поволок меня с собой за столик, по дороге здороваясь с остальными командирами. Петру повезло, он успел закончить «бурсу» до приказа о том, что выпускники училищ становятся младшими командирами.

– Товарищи командиры! – прогремело в столовой. Дежурный по части отдал рапорт Степану Мамушкину, появившемуся на завтраке. Без него завтрак никто не начинал. Довольно необычно, позже выяснилось, что Мамушкин раньше служил во флотской авиации.

Завтрак обычный, в помещении тихо, видно, что с дисциплиной в полку все отлично. Я разузнал имена и фамилии начальства. Выяснилось, что в восьмой эскадрилье начальства нет, там только пять техников, двадцать два «МАСсовика» и ни одного командира. Всего в полку пять «Илов», но все они лежат еще по ящикам. Инженер полка уехал в Ленинград на курсы по этим машинам. Так что труба дело.

– Чем командир недоволен?

– А он всегда такой, не обращай внимания.

– А комиссар?

– Этот вредный, на глаза лучше не попадаться, особенно после «слизняка».

«Слизняком» называли местную распивочную, у которой в названии были буквы «SLIZ». В общем, в полку с пьянством борются, что не могло не радовать. Разгильдяй Сергей Шкирятов был в училище главным заводилой на курсе в смысле поддаться, а я был непьющим и в той, и в этой жизни. По сравнению с остальной частью СССР, в ЛитССР цены на спиртное были ниже раза в три, особенно дешевым было пиво, которое стоило копейки и было довольно неплохим.

После завтрака всех собрали в «классе». В его роли выступал местный клуб, так как остальные помещения столько народу вместить не могли. Состоялась довольно длительная процедура представления каждого вновьприбывшего. По спискам в алфавитном порядке я был последним, поэтому смиренно ждал своей очереди. Но меня полку не представили. Сказали, что помимо прочих прибыл младший лейтенант Шкирятов, с назначением которого возникли некоторые сложности. Поэтому он будет представлен полку несколько позже. Позже, значит, позже. Объявили, что я и Овчинников направлены в восьмую эскадрилью, которая будет пополнена в ближайшие дни.

После такого своеобразного развода все пошли на полеты, а я был вынужден идти в штаб полка. Впрочем, не только я, но и все приехавшие вчера тащатся туда получать официальные назначения и направления на склады для получения вещевого довольствия. Меня отозвал комиссар полка Алексей Мирошкин. Я представился.

– Полк обещают перевооружить этим летом на «Ил-2». Я видел выписку из вашей летной книжки, что у вас сто шесть часов налета на этой машине. Где и когда успели?

– Практику проходил в ЛИСе 18-го завода, товарищ батальонный комиссар. Принимал в качестве военной приемки машины, выпущенные заводом в ноябре – феврале, и проводил заводские испытания.

– Ну, и как?

– Не без приключений, дважды прыгать пришлось, а так все в порядке. За это и получил звание. Так как практика пришлась на осенне-зимний период, то пришлось сдать на право управления в сложных метеоусловиях. Еще шесть часов, и можно будет получать допуск к ночным.

– То есть самолет вы знаете хорошо?

– Да, освоил полностью и вводил летчиков на него. Весь курс первичного обучения.

– Отлично. Мы вас в план поставили на сегодня на ввод в строй, поэтому возьмите направление у начмата, сходите на склад и получите снаряжение. В 10:30 у нас с вами вылет. Действуйте!

Ну, хоть времени дали достаточное количество. Аэродром большой, пока из конца в конец ходишь, весь день пройдет! Плюс мне не поставили сдачу теоретических зачетов, а вводят в строй как после отпуска, устраивая сразу вывозные, только район придется сдать, но от этого никуда не деться. Получил обмундирование: в отличие от сержантов, вещей б/у не выдали, все новое. Это радовало. Порядок в полку был. Звание у меня, конечно, не блещет, один кубарь, но и это для вещевой службы весомо. Часть вещей занес в комнату, остальное в раздевалку 8-й эскадрильи, предварительно выяснив, где она. Это оказалось совсем рядом, у ближайшего капонира. В штурманской службе получил карту района и сунул ее в новенький планшет. В классе выучил основные и вспомогательные ориентиры, пролистал их в голове и пошел к штурману полка. Полчаса позора (карта с польскими, немецкими и русскими названиями, а требовалось знать еще и литовские) – и роспись на зачете стоит. Все равно эти названия никто не знал. Они не употреблялись. Со сданным зачетом и допуском прихожу на КП. Вылет предстоит на «УТИ-4». Пристроился у завалинки поспать, поставив звонок на ручном хронометре на 10:00.

Разбудили меня раньше. Вызывал командир, которому комиссар доложил о разговоре со мной. По документам, четыре из пяти машин испытывал я сам. Одна машина прошла полный курс заводских испытаний и какие-то переделки бомбоотсеков. Я ответил, что не помню, что было изменено, потому что с замками и крышками было много работы, но подпись стоит, значит, все принято. Да, подписи мои. Майор хлюпнул носом, но отпустил готовить машину к вылету. Пришлось взлетать с шиком – не поднимая хвоста. Дескать, почерк у меня имеется. Далее по коробочке без замечаний и излишеств. Посадка и вылет в зону на пилотаж. Тоже скучно открутил положенный каскад фигур с полочками и фиксацией исполнения. Комиссар остался доволен, черкнул какое-то незначительное замечание – так было положено, без замечаний никто ничего сдать не мог. Он поставил мне ввод в строй, и мы опять предстали пред светлы очи отца-командира.

– Так, Козлов на курсах и говорит, что еще и в госпиталь ляжет. Так что будете назначены и.о. командира 8-й эскадрильи и командиром первого звена. В звено назначены сержанты Овчинников, Томин и Проскуров, ну и товарищ Мирошкин изъявил желание освоить новую машину. Заодно и вас проконтролирует. Возьмите в штабе приказ, и в 15:30 я буду у вас на построении. Зовут как?

– Сергей... Петрович.

– Ну, Петрович, действуй. Широко шагаешь! Штаны не порви! Только из училища, и комэск! Я до комэска пятнадцать лет летал.

Отказывав, вышел с КП и пошагал в сторону стоянок восьмой эскадрильи. Следом за мной потянулись и три сержанта, двое из которых расспрашивали Пашу о «новой метле». Мне

знакомиться с ними на ходу не сильно хотелось, они старше меня, выпуска осени сорокового года. В те годы набор в училища производился дважды в году. Это позволяло сократить количество преподавателей теоретического курса.

Новости в полку распространяются гораздо быстрее пороссячьего визга, поэтому к моему приходу личный технический состав эскадрильи был построен. Приняв доклад старшего техника-лейтенанта Кучерова, осмотрел воинство и поинтересовался у Кузьмы Порфирьевича, имеется ли подменный фонд рабочего обмундирования в эскадрилье. Фонд отсутствовал. Приказал озаботиться этой проблемой.

– А то к обслуживанию машин вы еще не приступили, а уже чумазые, как чушки. Одно слово – маслопупы.

– Нас и. о. инженера задействовал на ремонтах «чаек», на изучение новой техники отвел только час в день, товарищ... – и тут он меня попытался унизить: – младший лейтенант. Даже на построение отпустил только на двадцать минут.

Я скомандовал: «Смирно», – и доложил подошедшему батальонному комиссару, в том числе и об имеющихся проблемах.

– Некому было готовить личный состав, поэтому и принято такое решение. Разберемся. Федотов, сгоняй за Паршениным, скажи, что я зову.

– Есть, товарищ комиссар.

– Продолжайте, товарищ Шкирятов.

– Командир полка приказал распаковать, собрать и подготовить самолеты к вылетам. Срок – неделя. С сегодняшнего дня приступаем к интенсивным занятиям по новой технике и к подготовке к зачетам по специальности. На освоение – две недели. К майским праздникам первое звено должно быть готово и облетано. Поэтому, товарищ старший техник, приказываю подготовить козлы, тали, инструменты для распаковки и всю техническую документацию по сборке к 15:30. В 15:30 построение, прибудет командир полка майор Мамушкин. Вольно, разойдись.

Техники гурьбой отправились исполнять приказание, а я занялся летным составом, внимательно рассматривая их летные книжки. «Сливки» от слова «сливать». Двенадцать летных происшествий на троих. Ну, Пашу Овчинникова я сам готовил и успел исправить недоработки в его подготовке, а этих двух требуется полностью переучивать. Очень удивил комиссар полка, который встал в строй и подал мне свою летную книжку.

– Так, Паша, у меня в комнате на окне папка синяя, там описание и в отдельной тетради рекомендации по осмотру, взлету, управлению и посадке. Несешь в класс тактической подготовки, а мы – туда. Напра-во! Шагом марш. Разойдись.

Посыпались вопросы по «Илюше».

– Вообще, он довольно простой, управляется неплохо, единственное, кабина достаточно сложная и требует подготовки. Совсем другая, чем на «чайке».

Мы сели в классе, из папки я достал плакаты, прикрепил их к картону скрепками, и мы начали знакомиться с машиной. Через час объявил перекур, и мы пошли обедать.

На обеде Степан Наумович поинтересовался у Алексея Михайловича, как ему Шкирятов.

– Кажись, Наумыч, нам повезло с этим мамлеем. И машину знает назубок, и объясняет толково и доступно. Просит «УТИ-4» и запланировать ему вылеты с личным составом. Такое впечатление, что всю жизнь командовал эскадрилей. Он, кстати, предлагает укомплектовать полностью эскадрилью, чтобы подготовить летчиков, используя эти пять машин как учебные. Смысл в этом есть.

– Ну, так, с кондачка, решать не будем. Посмотрим, как этих научит. Но определенный смысл в этом есть. Бум посмотреть.

После тихого часа эскадрилья выстроилась у навеса, где лежали ящики с самолетами. Стальные козлы из труб с таями и маленькие деревянные в количестве десяти штук успели

соорудить. Ящики перетасовали по номерам и погрузочным документам. На столе лежали инструкции и схемы сборки. Комполка поприветствовал присутствующих, комиссар двинул речь, что Родина доверяет 8-й эскадрилье самые совершенные самолеты и ждет, что освоение новой техники пройдет быстро и безболезненно. Это ведь как зуб удалить под наркозом, вот только потом – болит.

Вскрываем первый ящик, я с полным охреневанием вижу в нем «ЦКБ-57» – первую переделку двухместного штурмовика в одноместный. С четырьмя «ультраШКАСами». Северный пушной зверек – это слово у меня просто вырвалось. Тут же досталось от командира и комиссара, которые боролись за чистоту нашей речи. Достаем крылья, еще один северный зверек побежал по аэродрому: шестнадцать установок под РС, но крылья стрельчатые, полностью металлические и со стреловидностью пятнадцать градусов. «Это ж практически «Ил-2» сорок четвертого года! – пронеслось у меня в голове. – Да еще и с бронированной кабиной стрелка! Это моя машина!» Подставляем крылья. Внимательно смотрю за действиями техников, проверяю правильность соединения всех узлов и контровок. Лезу в кабину и выпускаю шасси. Встали на замки. Чуть поднимаем талями хвост, убираем козлы с хвоста, затем удаляем козлы спереди и переносим большого козла к новой машине. Там лежит такой же самолет, но с двумя «МП-6» и двумя «ультраШКАСами». В третьем и четвертом ящиках оказались предсерийные «Ил-2» с уже укороченным фонарем и с пушками «ВЯ-23», и только в последнем находился серийный «Ил» с переделанными под кассетные бомбы бомболюками. Я летал на всех этих машинах, кроме первого. Точно знаю, что со второй надо снимать пушки, они клинят: на земле все стреляет, а в небе ленту прижимает потоком воздуха, она неразъемная, и пушки клинятся на двадцатом выстреле.

Рассказал обо всех машинах и сразу запросил «ВЯ» для всех. Мамушкин пожал плечами, но подписал требования. Две машины можно сразу переделывать в двухместные, так как двигуны у всех стоят серийные «АМ-38» в тысячу пятьсот семьдесят пять сил и крыло для двухместных. И кабина стрелка бронирована. Остальные – это мусор: голова летчика не прикрыта совсем, только спереди.

Бак не фибровый, а дюралевый, и не будет протектироваться из-за заусениц. Но по понятным причинам я об этом ничего не сказал. Надо подвести к этому нашего комиссара, а там и посмотрим.

Машины оказались с неподготовленными двигателями: им сменили двигатели после испытаний и, стремясь выполнить план по поставкам, загнали в линейные полки. Готовыми летать были только две машины: первая и последняя. Остальным предстояла обкатка двигателя и регулировка капризного карбюратора. Пришлось вместе с техником облазить обе, проверить все системы, затем в течение двадцати семи минут наблюдать, как заправляется с единственной точки заправки машина. Ахиллесова пята первых серий. Наконец, получил добро на облет. Степан Наумович с площадки не уходил до тех пор, пока не поступил доклад о готовности двух машин. После этого сел в свою эмку и поехал руководить полетами. Еще одна приколка: радио на КП не было! Все – флажками! Очередной зверек пробежал по аэродрому. На прогреве двигатель работал ровно. Я посмотрел уже, регулировки выполнены по последним рекомендациям, отсюда и семьдесят пять «лишних» сил. Вооружение не вешали, просто облет машины.

Вижу сигнал с разрешением на взлет, прямо из капонира ухожу в небо, нарушая все инструкции предвоенных лет, вернусь – наверное, получу «дрозда», но сейчас я в воздухе. Убрал шасси, левой рукой подбираю положение триммера рулей высоты. Эти машины неустойчивы продольно и постоянно стремятся задрать нос. Сзади наперехват устремилось два звена «чаек». Покачал крыльями и сбросил обороты, чтобы смогли пристроиться. Связи с ними нет. Три встали справа, три слева. Сопровождают. Обороты! И я отрываюсь от них, при этом проделав тройную бочку. Затем боевой разворот, «чаечки» пошли за мной, здесь их преимуще-

ство, на виражах с ними проще не соревноваться, мой «утюг» на это не способен. Но я успевал развернуться и атаковать, если что. Повертевшись над аэродромом, мы пошли на посадку.

«Т» выложена, сели, смотрю, меня направляют к КП вместо моего капонира. Решили, видимо, не отходя от кассы отоварить за взлет! Однако я поспешил с выводами. Был построен полк, и командир объявил благодарность за быструю сборку машин первого звена и поздравил с первым вылетом новой машины. Дал возможность летчикам полка потрогать «коня» и перевел в восьмую еще восемь летчиков. Насколько я понял, по старому штату четыре звена по три самолета. Фиг ему!

Шесть дней занимались в классах и в кабинах. В промежутках между занятиями успел съездить на картонажный завод в Ковно и на самолетостроительный, где собирались «аисты». Мне требовались картонные трубы диаметром триста двадцать пять миллиметров и длиной полтора метра. В столярной мастерской заказал деревянные разъемные кружки. Часть из них подготовил для установки гранат РПГ-40, часть – для гранат Ф-1. Разрезные деревянные кружки фиксировали предохранительные ручки гранат со снятыми предохранительными чеками. В эти же деревянные кружки вворачивались «ушки» подвески контейнера. Две тонкие стальные проволоки проходили через картонный корпус и были предназначены для «вскрытия» стенок трубы, чтобы контейнер разваливался сразу после сброса. Проволочины цеплялись к замку и могли быть отсоединены в случае посадки вместе с бомбой. Эти подарки я подготовил для немецкой пехоты и техники. К сожалению, сам контейнер еще не прошел испытания, и отсутствовал инерционный взрыватель АТ-4, который бы позволил сбрасывать Ф-1 с любой высоты. А так только сто метров, иначе граната взрывалась в воздухе.

На мою возню с деревяшками обратил внимание и комиссар. Спросил – зачем?

– Это контейнер для мелких бомб. На самолете установлен бомбовый прицел ПБП-1б, но через него днем практически ничего не видно. Сбрасывание одиночных бомб фактически бессмысленная трата боеприпасов.

Он не поверил. Я выложил пятнадцать металлических листов на «дороге» на полигоне с дистанцией двадцать пять метров, как положено в немецкой армии. Предложил на спор ему пройти двумя «чайками» с «сотками». А я зайду на «ЦКБ-57» с четырьмя кассетами с РПГ-40. Я победил! Вообще-то, мы уже это проходили, и коньяк Ереванского завода оценили вполне. Но! Количество ящиков было не определено соответствующим наставлением НИИ ВВС. Они, кстати, первыми закатывались! Дескать, в этом случае и прицел не нужен. Точно! Нафиг не нужен, только голову об него бить. Берешь цель, проводишь прямой угол от нее, и ориентир, лежащий на траверзе. Закрываешь крылом и жмешь кнопку – и вуаля! Триста метров по направлению накрыто. С одного контейнера.

И вообще, комиссар оказался очень внимательным и отзывчивым товарищем. Практически сразу он понял, что поддержать – много дешевле, чем задробить. Помогал и привлекал со своей стороны многих людей. Короткая стычка произошла, когда я на тактике начал производить разбор действий «люфтов». Дескать, товарищ Сталин говорит, что мы с немцами дружны как никто.

– Разрешите вопрос, товарищ комиссар!

– Ну, давай!

– Вы какого года рождения?

– Десятого.

– Следовательно, в тридцать восьмом вам было двадцать восемь лет, так?

– При чем здесь это?

– Значит, вы помните, что товарищ Сталин говорил тогда про немецких фашистов?

– Ну, теперича не то, что давеча. Товарищ Сталин говорит...

– А он не может сказать, что наш единственный враг сидит за Неманом. Он надеется, что мы, рядовые коммунисты и комсомолы, понимаем, что не случайно именно в западные

округа направляется новейшая техника. «Ил-2» заточен для борьбы с вражескими колоннами и танками, товарищ комиссар. Кампанию в Польше разбирали?

– Ну, было дело.

– А мы, в Воронеже, искали средство борьбы с этим явлением. Кассетные бомбы – один из способов, товарищ комиссар.

Алексей Михайлович поморщился, но две эскадрильи «И-153» стали нашим прикрытием.

Впрочем, не полетами только были заполнены эти дни. Меня выволокли буквально на какую-то свадьбу в Даукше. Там знойная брюнетка взяла в оборот. Красивая, надо отметить. Я пригласил ее потанцевать и почувствовал, что влип. У нее были очень красивые большие глаза. Ее муж погиб в тридцать девятом под Данцигом. Она похлопала длинными ресницами, сказала что-то интригующее на не совсем понятном языке, в котором прорывались русские слова. В результате мы оказались где-то на сеновале, где остро пахло сеном и коровьей мочой.

Чуть в стороне шумно дышали несколько буренок. Она остановилась у самого входа и немного повозилась со своей юбкой. Под той ничего не оказалось. Трусики я обнаружил в ее руке. Она заботливо надела мне изделие номер два на соответствующий орган, и для нас остановилось время на несколько часов. Кристи, ее звали Кристина, убежала под утро, а я, не выспавшись, притащился на аэродром, где с утра начинались полеты. Но увидев мою шею, товарищи дали мне немного поспать.

С Кристиной мы встречались почти каждый вечер, возле плотины, где была ГЭС, которая обслуживала и аэродром, и станцию. Замужем она была около двух недель и два года вдовствовала. Сама из Данцига, но жила у родителей бывшего мужа и бесплатно ухаживала за их коровами. Ее интерес ко мне был не особенно случайным. Об этом мне поведал сначала начальник особого отдела, а потом эти же слова подтвердила и сестра ее бывшего мужа. Она прибежала сообщить мне, что Кристина прийти не сможет, у нее «женское недомогание». Сестра была девочкой лет шестнадцати на вид. Чуть позже выяснилось, что ей восемнадцать, но это значения никакого не имело. Она спросила: зачем пан офицер якшается с Кристи, которая спит с немецким шпионом Вацлавом? Я пожал плечами. Мне было все равно. Я не считал Кристи чем-то большим, чем...

– Вы знаете, что будет война? – спросила девочка.

– Знаю.

– Кристи не жидовка, она полячка, я не знаю, почему мой брат и вы клюнули на эту продажную женщину! Зачем она вам?

Что ей было ответить? Что мне все равно? Ребенку так отвечать нельзя. Я протянул к ней руку. Но она отбила ее, злобно прошептав какие-то еврейские ругательства. Потом долго плакала, сидя на траве возле меня.

– Я вас люблю и буду ждать, когда вы вернетесь.

Этого мне только и не хватало! Ехала бы ты из этого гиблого места, где даже родственники предают друг друга... Выплакавшись, она ушла домой. С Кристиной у нас ничего не изменилось, кроме одного: уже перед самой войной она сказала, что утром двадцать второго немцы нападут на нас. На 02:00 берлинского времени назначено нападение. Что она хочет иметь сына, который будет ждать меня здесь. Вот и пойми женщин! «Вешать надо таких Красных Шапочек близь нашего леса!»

В конце мая к нам приехали летчики-балтийцы на десять дней, мы помогли им освоить машины и провести несколько пробных торпедометаний торпедой 45-36АН, десятков штук которых мы захомячили – отложили для следующей партии обучаемых.

Полк посетил генерал-майор Ионов, начальник ВВС округа. Он прибыл вместе с командиром 8-й САД полковником Гуциным. Нас обругали последними словами, что до сих пор не сформирован 86-й штурмовой авиаполк, название которого мы только что слышали. В эскадрилье сейчас пятнадцать самолетов и восемнадцать летчиков, способных их водить. Из них шесть – ночников.

Наступило 18 июня, и мы разлетелись по аэродромам подскока, большую часть которых выбирал я сам. Ставил единственное условие: максимальная близость к стационарным мостам через Неман. По существу, эскадрилья стала отдельной, так как приказ был оформлен так, что у меня было право, не согласовывая с командованием, ставить в план учебы любые полеты. К 19 июня у меня было запасено топлива на восемнадцать вылетов всей эскадрильей, пять малокалиберных и шесть крупнокалиберных зенитных батарей, две эскадрильи «И-153». Правда, у них топлива было значительно меньше, но существовал большой запас РС. Каждое звено штурмовиков имело сто шестьдесят контейнеров с противотанковыми и противопехотными гранатами. Шестнадцать выливных приборов с КС и полторы сотни бомб по двадцать пять, пятьдесят и сто килограммов на борт. Как удалось надобать столько зенитчиков? Есть старинная мудрая мысль: «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». Зенитчики разъезжались по лагерям, а я, обладая некоторой долей свободы, устраивал площадки рядом с ними. И им хорошо, и мне неплохо.

Двадцатого крайний раз перед войной встретился с Кристиной, когда она и сказала мне о сроках начала войны. Впрочем, это и так чувствовалось. Я ей сказал забирать золотку и мотать отсюда, как можно дальше.

– Я не могу, я сражаюсь за Великую Польшу, а их – отправлю!

Созвонился с пятой эскадрильей управления и связи в Ковно, с командиром которой были налажены хорошие отношения. Ему в иносказательной форме было сказано, что в случае обострения ситуации он должен перегнать своих «аистов» ко мне. Он подтвердил свое согласие, попросил отправить ему топливо, которое, понятное дело, по общей разнарядке ему не доставили.

Часть 2

Двадцать второе июня

В субботу в 16:00 заступил в наряд дежурным по эскадрилье и командиром дежурного звена. Отменил все увольнения и четыре раза проверял все гарнизоны, правда, по телефону. С 00:00 МСК, с 22:00 берлинского, перешел на радиосвязь по коду. В 01:00 принял команду «Гроза» по радио и поднял по тревоге все звенья эскадрильи. Передал это все в полк. Шесть машин собирались на ночной вылет с двумя парами связанных «соток». Я сам сидел напротив моста королевы Луизы в Тильзите возле небольшого местечка Тушки, что у Таурогена. Отсюда ровно тридцать пять километров до восточной опушки Микитайской роши, и тем же курсом выходишь прямо на мост.

– От винта! – команда подана. Не закрывая фонаря, стартую и ложусь на курс триста. Справа от меня идет Павел. У него задача чуть легче: выйти на западную опушку той же роши, найти железную дорогу и положить железнодорожный мост через Неман. Желательно – обеими парами бомб.

На выходе врезал залпом восьмью эрэсами по скоплению противника на той стороне моста, Паша доложил, что мост лежит и он тоже пустой, разрядился по полустанку с эшелонами. Сели и через двадцать минут ушли с торпедами вдоль по Неману, каждую машину в этом полете прикрывало по шесть «чаек». Мосты-то лежат, но немцы в основном переправляются по наплавным мостам. Если сбрасывать торпеду с минимальной высоты пятнадцать метров, то заглубление у нее составит всего два метра. Выставили полметра углубления и пошли. Но уже озираясь. Во-первых, остальное вооружение снято, во-вторых, эта балда требует на взлете один угол, отрицательный, иначе хвостом цепляет, а для правильного входа ей необходим положительный, иначе нырнет и в грунт зароется. Поэтому после взлета ей требуется электролебедкой подтянуть вверх передний узел подвески, расположенный в районе второго шпангоута, – создать положительный угол при сбросе. Устройство типа домкрата жигулей с довольно длинным штоком крепилось к пятимиллиметровой бронепалубе и, несмотря на обтекатели, довольно сильно сбрасывало скорость. Снять его можно было только на земле. А остальные самолеты эскадрильи ушли искать бомбардировщики противника. Они где-то на подходах. У Виелени вижу ведущую бой погранзаставу и немцев, успевших навести мост, по нему катятся на нашу сторону танки Гота. «Чайки», шедшие впереди, ударили эрэсами по скоплению пехоты и отвлекли огонь от меня. Сброс! Торпеда выпрыгнула из воды, опять зарылась в воду и пошла. У Средников отлично сработали сами «чайки», угодившие бомбами в переправу.

– «Мессеры»!

– Серега, уходи, мы прикроем!

Отсюда сорок два километра до Кейдан. Не, ребята! Ыстчо рановато! Я развернулся и пошел в лобовую на атакующие «Эмили». Их всего четыре. Атаку я сорвал. Пока они разворачивались, мы успели прижаться к земле и встать в круг. И короткими выпадами покусывали «мессов», пока один не задымил. От нас отстали, и мы ушли на заправку. В Кейданах машины растащены по капонирам, есть какая-никакая зенитная артиллерия. Я зарулил в свой капонир и оттуда пошел на КП, который переехал в землянку у пруда.

– Товарищ майор! Восьмая эскадрилья с 03:30 совершила двадцать один боевой вылет. Положили шесть мостов стационарных и один – наплавной. Других данных пока нет, требуется дозаправка и перелет на аэродром подскока. Истребители прикрытия поразили один наплавной мост и обстреляли противника на правом, нашем, берегу Немана. Поврежден один истребитель противника. Командир восьмой лейтенант Шкирятов.

– Грустно докладываешь! А комиссар Мирошкин доложил, что сбито шестнадцать Ju-87 твоими орлами.

– Я не знал, я в воздухе был, они на другом канале. Потери есть?

– Потерь нет в восьмой. В полку есть потери. Уже третий налет на аэродром отбиваем. Тут хоть и машин немного, но бомбят исправно, поэтомуправляйтесь и улетайте на подскок. Разведку бы организовать, откуда они по нам работают.

– Ко мне должны «аисты» из Ковно перелететь. Их и отправлю.

Я посмотрел на часы.

– Тут тебя какая-то гражданка домогается. У моста.

– Некогда.

– Некогда, значит, некогда. А так бы сходил, у тебя минут десять есть.

Здесь действительно триста метров. Прошел на КПП, там сидят Кристина и Хильда. Их дом разбомбили. Кристина сунула в руку записку и сказала, что через час у них поезд, они едут в Москву через Паневежис.

– Это важно! Передай, кому следует, – она глазами показала на мою руку. Обнялись и поцеловались. Обе ревут. Все, у меня больше времени нет, показал им на часы, сказал, что улетаю. Кристина зажала кулачком рот, чтобы не закричать. Хильда что-то причитает по-еврейски и по-польски. Махнул им рукой и побежал в сторону капонира.

Взлетели, два истребителя остались на земле, имеют повреждения. На бреющем перелетели в Зибули, где оборудована основная площадка эскадрильи.

Наступление на участке Тильзит – Ковно мы сорвали, немцы выбиты с правого берега, но на правом фланге немцами взяты Плунгяны – довольно большой еврейский городок и железнодорожная станция. Немцы взяли Палангу и движутся на Шауляй. Эскадрилье приказано останавливать продвижение немецких колонн. Семь пар штурмовиков и восемь пар «чаек» рванули туда в виде пожарной команды. Хорошо еще, что 15-й ИАП выделил три «МиГа» в прикрытие нашей группы.

Мы загрузились кассетными противотанковыми и противопехотными самоделками, триста двадцать килограммов во все четыре люка, и эрэсами, у кого сколько влезло. Прижимаемся к земле, идем. Вопрос со стрелками пока не решен. Место есть, и пулемет «ультраШКАС» стоит, а стрелка нет. Должность такая до войны в полку не предусматривалась. Впрочем, сегодня полк летал уже в парах, четверках и восьмерках с самого утра, кроме одной эскадрильи, взлетевшей первой по тревоге. Майор Мамушкин, до последнего сопротивлявшийся нарушению боевого устава авиации, в первый же день войны понял, что та все спишет.

Пилить до шоссе Паланга – Шауляй семьдесят восемь километров – двенадцать минут лета, казалось бы, какие сложности! Но именно там сегодня наблюдалась самая высокая активность немецкой авиации. Будем надеяться, что они сейчас перевооружаются. Однако подобные мысли немецких летчиков не посещали. Вот они, «фридрихи», валяются с высоты на «чаек». Моих машин пока не видят, у меня камуфляж немного другой, специально подбирал, да и ниже мы идем. Предупредил ребят, они, пользуясь хорошей поворотливостью, встречают их лобовыми атаками. Немцам это не нравится, они отрываются и теперь пикируют на нас. Мы в грузу, и до выполнения задачи еще четыре минуты, поэтому встаем в круг, ждем прикрытие, которое спешит к нам. Наконец появились «МиГи», которых не было видно, и радиосвязи с ними не было. Они сорвали немцам атаку, но сами ввязались в бой на малой высоте, для них это плохо, очень плохо. Один уже горит. Но подскочившие «чайки» утянули два «месса» в бои на виражах. Два других набирают высоту после победы над правым ведомым тройки «МиГов», мы продолжаем идти в сторону шоссе.

Опять валится пара «мессов», и я встречаю их отсекающей очередью из пушек и «ультраШКАСов». Шарахнулись! Очередь прошла совсем рядом, может быть, и попал из пулемета. Уже видно шоссе. Пройдя прямо над Виплаукской кирхой, на вираже ухожу влево, ребята

растягиваются в цепочку. Шоссе забито отступающими нашими войсками, которые разбегаются, увидев незнакомые самолеты. «Илы» еще не называют ласково «горбатенькие», пока мы чужие для всех. Назад посматриваю, хотя высота такая, что чуть зевнул, и... Нет, «мессеров» связали боем, да и действовать на такой высоте истребителям сложно. Можно подскочить чуть выше, ушел на стометровую высоту. Есть! Вижу колонну немцев, впереди несколько танков, потом длинная вереница «гробиков», за ними автомашины с пушками. Тщетно пытаюсь что-либо увидеть в прицел. Забросало выхлопом, хотя перед вылетом протирал. Придется по капоту. Так, от поворота до поворота семьсот пятьдесят, пересчитываю поправку. Выровнял крен, переключил ЭСБР на крайний левый. Товсь! Сброс! Лишь бы идущему следом хватило дистанции! Щелчок на средний правый, сброс. Щелчок на выбор боеприпаса. Нос чуть вниз и залпом все РС в поворот дороги. Эрэсы у меня особенные: у них закручено на два градуса оперение. Сходят все. Огонь из пушек не открываю, а вываливаю еще два чемодана гранат и отваливаю в сторону. Лишь после этого замечаю открывший огонь «эрликон», но к нему уже тянется белая струя двух РС, кто-то сзади меня их пустил. На отходе хорошо видно горящие машины и даже танки. Наблюдаю, как разлетаются сброшенные «чемоданы», и внизу грохочут взрывы. Довольно сильные. Пожалуй, что посылать так много самолетов не стоило, обошлись бы и половиной, но замыкающее звено работает с головы колонны еще раз, добивая то, что не добились ведущие.

Опять к земле, и подзываем прикрытие. У них – потери. Правда, это пока еще своя территория. Двоим пришлось прыгать. «Мессера» ушли, и мы уходим по новому маршруту, удлиняя противнику путь нашего перехвата. У Шауляя доворачиваем вправо и идем к дому. Под нами изгибается Дубисса, наконец, посадка с ходу, заруливаю, и стартовая команда заталкивает машину в лес. Жрать хочется! Как по волшебству, появляется полуторка с обедом.

Собираемся в импровизированной столовой, тут же в лесочке. Батальонный комиссар здесь же. Между ложками борща делится впечатлениями от разгрома двух девяток Ju-87. Считает, что «Ил-2» может действовать как истребитель.

– Да нет, это произошло потому, что немцы без прикрытия шли. Только напрасно вы, Алексей Михайлович, вплотную полезли. «Ил» – машина тяжелая, хорошая платформа для пушек. Снаряды «ВЯ» и «МП-6» тяжелые и мощные, требовалось зайти в хвост и бить издали, чуть ли не одиночными. Больше бы насшибали, но че уж там, как получилось, так получилось. «Аисты» прилетали? – спросил я у начштаба Колыванова.

– Один прилетал. Сказал, что сели на другой площадке нашей, должны скоро перелететь сюда. Вон, кажется, идут!

– Кучерова ко мне!

По лесу раздалась эта команда, которую передавали дальше. Он подошел, когда я заканчивал обед традиционным компотом.

– Что с осмотром?

– Три машины имеют повреждения крыльев и хвостовой части фюзеляжа, все крайней серии, с деревяшками. Два осколками побиты, один получил пять пробоин из «эрликона». По нему работы много.

– Раз много, то переделывайте ему кабину под стрелка. «Чашки» привезли?

– Да, привезли, и сегодня еще с Ковенского завода обещали доставить.

– На все машины этот подголовник ставьте, имеется в виду серийные.

– Там засверливаться тяжело, Сергей Петрович, но сделаем, шесть машин осталось из крайнего поступления. В Кейданы пришло еще две машины, собирают, надо бы летчиков туда отправить.

– Вон «А-38» сели, сейчас перенаправим.

К столовой подходило человек двадцать летчиков Ковенского ЛИСа и эскадрильи связи. Они рассовали свои машины по лесу и теперь спешили на обед. Капитан Мальцев, их коман-

дир, который и принимал решение о передислокации, шел впереди. Мы обменялись рукопожатиями.

– Достали налетами, шесть машин потеряли на земле. Экипажи вывезли, так что принимай пополнение. Двадцать шесть летчиков и стрелков.

– Стрелков? Это то, что нужно! Уже надо четверых. Ну, и кто из вас лучший?

– Я! – ответил высокий звонкий голос. – Сержант госбезопасности Голубева, чемпион округа по воздушной стрельбе.

Я удивленно посмотрел на худощавую девушку, потом недоуменно уставился на Мальцева.

– Да, Аксинья – лучший воздушный стрелок округа и давно рвется на боевой самолет, считает, что на «связниках» делать нечего. Чего застенялся? Из двадцати шести человек шесть летчиков – командиры РККА, и все стрелки у меня девушки, шестеро из них военнослужащие, остальные вольнонаемные. Весь ЛИС – только гражданские. Самолет-то легонький, так что обеспечил я тебя головной болью. А Ксюху бери, не пожалеешь. Ее отец – начальник Ковенской погранкомендатуры.

Что такое не везет и как с ним бороться! Сам себе «особиста» присватал! Кто меня за язык тянул? Впрочем, нет худа без добра! Наводчики нужны, а тут без взаимодействия с сухопутчиками никак. Даю заводчанам время поесть, а сам под руку объясняю Мальцеву задачи.

– Первое! Отправить двоих летчиков перегнать новые машины из Кейдан. Второе: кого-то послать посмотреть, откуда немцы работают по Кейданам. Машины у тебя похожи на немецкий «шторьх»...

– Почему похожи? – продолжая пережевывать пищу, ответил Коля. – У меня три настоящих немецких «шторьха» есть, с немецкими двигателями.

– Вот их и пошлешь, «чайки» сопровождают до линии фронта. Вот только радиостанций нет.

– На «немцах» стоит.

– А принимать чем?

– Ну, да, нечем. А почему нечем? Их же три! Один покрутится возле аэродрома и будет меня слышать, а передавать третьему, что я говорить буду.

– Сам пойдешь?

– Сам, я немецкий знаю.

– Блин! Так, все сбил, будем передумывать. Так, так, так, так, так! Ксюша!

– Слушаю.

– У тебя отец сейчас где?

– На Острове, там штаб обороны.

– Там рядом сесть где-нибудь можно?

– Только на заводе, но это рядом.

– Бесполезно! – вставил Николай. – Завод под минометным обстрелом, так что и не надейся, что сможешь сесть.

– А если на улицу?

– На «Иле» – ты чего?

– На «аисте».

– Ты ж на нем не летал, говорил же тебе, сядь.

– Ну, вот и покажешь.

– Когда?

– Да прям щаз.

– Ну, пошли, коли жизнь не дорога. – Коля быстренько докидал в рот картошку, запил компотом, и пошли к его машинкам. Через десять минут взлетели и сделали несколько посадок.

– Зови стрелка.

– Да вон она сидит!

Садись прямо на улицу, пустынную, потому что все по подвалам прячутся. У машины с пулеметом остался Гайдамец, а мы, пригибаясь и прижимаясь к стенам, побежали вдоль улицы. У меня был ППД, у Ксении – ТТ. Не добежав квартала до набережной, Аксинья рукой показала забирать вправо. Пробежать через двор тихо не получилось. Кто-то открыл по нам огонь с верхних этажей. Пришлось немного пострелять, чтобы проскочить. Дальше ползком, и не стенать. На мосту – блокпост из мешков с песком и несколько человек с пулеметом. Ксения помахала рукой и прокричала:

– Прикройте!

Рванули зигзагом к мосту. Плюхнулись за мешками. Ксения с кем-то поздоровалась. На той стороне моста бункер, нырнули туда, потом какими-то потернами и траншеями добрались до КП крепости Ковно. Ее обнял полковник-пограничник.

– Лейтенант Шкирятов, командир 8-й эскадрильи 61-го ШАП.

– Почему здесь, а не в воздухе? Полковник Голубев, комендант района. Где воздушная поддержка? Весь день просим!

– За этим и прилетели. Связи нет ни с кем из сухопутчиков. У нас на связи только наш полк, там тоже никакой связи нет, поэтому задачи ставим из того, что успеваем перехватить по радио. Нанесли удар по колонне в районе Плунгян, больше никакой информации нет. Утром работали по мостам и переправам на Немане.

– А, так это вы работали! Отлично, но вот тут вот немцы поставили батареи и долбят так, что долго нам не продержаться.

– Связь нужна и авианаводчики. Плюс нужны люди, которые смогут сработать в тылу противника: снайперы и пулеметчики. Чем забросить их в тыл и забрать оттуда, у меня есть. И еще, в доме напротив моста – противник.

– Знаем, уже один раз выбивали.

– Кстати, у них должны быть неплохие радиостанции. Хорошо бы такие заполучить.

– Где базируетесь?

– В Зибулях.

– Людей я пришлю. Ближе к вечеру, сейчас никак. Дай поддержку, лейтенант.

– Дадим, товарищ полковник. Сейчас машины заправляются, и дадим. Топливозаправщиков мало, вот и мучаемся.

– Пришлю человека, который разберется. Спасибо, что дочь привез.

– Пап, а я с ним, я улетаю. Я теперь его стрелок.

Полковник с шумом выдохнул, но было видно, что знал – спорить с дочерью бесполезно.

– Каверзин! Возьми штурмовую группу и обеспечь проход. Доведешь, куда скажут!

– Есть! – молодой старлей выскочил из бункера. Ксения поцеловала отца, они о чем-то пошептались, и мы пошли обратно за провожатым. Увидели, что штурмовая группа уже бежит через набережную к дому напротив. Мы припустили за ними. Гайдамец сидел на месте в подъезде ближайшего дома. Вместе с ним развернули «аиста» в обратную сторону и взлетели. С нами полетел еще один командир-пограничник в санитарном отсеке.

Прижимаясь к земле, перескакивая через лесочки, двадцать минут, и мы на месте. Заправляют крайний «Ил», начинаю знакомить нового стрелка с машиной. Так как самопал, то кроме переговорной трубы со свистком ничего нет. Лямка, слева направо пересекающая кабину, и два карабина, которые крепятся прямо к подвесной системе парашюта. Вот и все хозяйство.

– Это «ультраШКАС», и вот полторы тысячи патронов. Ровно на полминуты непрерывного огня.

– Сколько весит?

– Пятьдесят килограммов.

- Так, может быть, второй ящик взять и вот тут закрепить, я сама вешу пятьдесят четыре.
- Заклинит.
- С направляющими.
- Ну, бери. Только крепи нормально, в расчете на истребительный бой.

Через пятнадцать минут заправка машин закончилась, и я собрал личный состав на постановку задачи.

– Идем к Ковно. В рощах на левом берегу противник установил артиллерийские и минометные батареи, из которых обстреливает город и оборонительные позиции. Там же замечены понтоны для переправы, чтобы заменить выведенные нами утром мосты. Задача эскадрильи: нанести бомбоштурмовой удар по позициям артиллерии. Задача прикрытия: обеспечить работу эскадрильи. Построение: машины «ноль два», «ноль три» и «ноль четыре» со стрелками – замыкающие. Канал связи три, веду группу я. Запасной канал шесть, мой заместитель – батальонный комиссар Мирошкин. В воздухе не шуметь, соблюдать радиомолчание. По машинам! К запуску.

Все разбежались по машинам, через пять минут после прогрева мы в воздухе. Позиции немцы растянули вокруг Гарлявы, спрятались по лескам и рошицам. Выковырять их будет сложно. Часть машин взяла и бомбы, потому что контейнеров осталось на полтора полных вылета. Связаться с 15-м полком не удалось, высотного прикрытия просто нет.

Еще на подходе стало понятно, что в воздухе мы не одни. У нас один заход, а дальше требуется разбираться с пикировщиками. Бывший немецкий «аист» поймал их канал, они тоже идут к Ковно. Раздаю целеуказания, но с кодами, каждый квадрат шифрован. Улавливают. Три четверки и пара перестраиваются для работы.

– Напоминаю: в случае появления противника основной режим – «змейка». Следим за хвостами! «Ноль два», «ноль три», «ноль четыре»! Ваша задача – найти противника и выстроить оборонительный круг до подлета прикрытия. Как поняли? Прием.

– Принято!

– Атакуем с одного захода и уходим в набор! Две минуты до атаки! Приготовиться!

Щелчки докладов от ведущих. Все в курсе, что лишние разговоры смерти подобны. Атака!

Освобождаемся от бомб и РС и ползем на высоту. Пятнышки Ju-87 уже видны справа по курсу. Кажется, они влипли! У них нет прикрытия! Идет полная группа: три девятки и пара «мессов». Наши «чайки» уже на высоте прикрытия и атакуют. А мы заходим сзади. Скорость у них триста сорок, носы белым покрашены. У нас в наборе четыреста. Мужики, вы попали! Я открыл огонь одиночными с семисот метров. Два выстрела – «юнкерс». Через четыре минуты, кроме свалившихся на крыло и сбросивших бомбы на свои войска шести «юнкерсов», машин больше не было. Немного погонялись за уцелевшими. Двух «мессов» отрезали и уничтожили истребители прикрытия. Теперь сами валимся на крыло и уходим вниз. Нам на высоте делать особо нечего. Отходим на запад, потом доворачиваем домой.

Дома тоже подарок! У нас в шесть раз больше топливозаправщиков! Тот самый старлей, что мы привезли на «шторхе», наловил «сачков» на дорогах и засунул к нам в эскадрилью.

Связи нет, Мамушкин тоже ее не имеет. Солнце садится, и мы идем спать. Еще одна новость: Ксюша со всей серьезностью в землянке вытаскивает «ТТ» из кобуры и сует его под подушку.

– Я сразу предупреждаю! Только сунься!

– Ты че, дура? На хрен ты мне сдалась? Спи, Аника-воин.

Часть 3

Второй день войны. ПВО на участке фронта

Три часа якобы сна, и:

– Серега, вставай! Ксюша!

– Пусть спит!

– Я встаю...

– Что там, Коля?

– Во-первых, завернули радиостанцию «5-АК», драпали от самого Тильзита, хотя там оборона еще стоит. Так что связь появилась. Как и начальство. Улетели за Ионовым, минут через пять сядет. Не будил, дал тебе поспать.

– Спасибо, Коля. Где Мирошкин?

– Вместе с Капитоновым войска останавливает.

– Хреню мается! Дежурный! – мы уже подходили к штабной землянке.

– Лейтенант Хаустов, товарищ командир.

– Пошли кого-нибудь за Мирошкиным к шоссе. Так, а это что за «гроб», и где с него люди? – за землянкой стояло две машины с «Редутом».

– А хрен его знает, товарищ командир. От шоссе прислали, я их всех щели послал копать!

– Идиот! Щаз сам побежишь щели копать и нарядов нахватаешь по самое не хочу. Быстро найди этих людей! Не дай бог они ноги сделали! Расстреляю! Бегом!

Коля удивленно спросил:

– Ты чего расшумелся?

– Это – РЛС. Она должна работать, а не стоять за штабом.

– А что это «РЛС»?

– Радиолокационная станция, вот это горизонтальная, а это – вертикальная.

А на посадке зажгли костры – бензин в банках. «Аист» с генералом Ионовым заходит на посадку. Экипажи РЛС не разбежались. После получения втыка бросились настраивать и растягивать свое хозяйство. От шоссе появилось несколько подслеповатых фар. «Аист» сел, подруливает к КП. Иду встречать начальство.

– Товарищ командующий! Командир 8-й эскадрильи 61-го ШАП младший лейтенант Шкирятов. Эскадрилья отдыхает после боевых вылетов.

Ионов протянул руку, и я пожал ее. Спустились в землянку. Здесь даже электричество есть. Тут же распорядился насчет кофе и чая начальству. Впрочем, мог бы этого и не делать. Кажется, что моему командованию пришел конец. Генерал с собой притащил какого-то майора, который стоял рядом с ним и слушал мой рапорт о проделанной работе. Слава богу, появился Мирошкин.

– Товарищ генерал, комиссар 61-го полка батальонный комиссар Мирошкин, разрешите присутствовать.

– А, начальство все-таки есть, а то доклады идут только от имени мамлея Шкирятова.

– Вообще-то эскадрилей и приданным прикрытием командует он. Приказ об этом подписан еще в мае. Я только наблюдаю за работой и выполняю боевые вылеты в составе эскадрильи. Надобности вмешиваться в работу не возникало.

– Связь с полком есть? – спросил у меня генерал.

– Есть, товарищ генерал, и снабжение оттуда поступает. Садись там на дозаправку. Ожидаем поставку боеприпасов к часу ночи. Сейчас шесть штурмовиков готовятся к вылету в район Рагнита, там у немцев организован полевой аэродром и днем наблюдалось большое скопление авиатехники. И истребителей, и пикировщиков.

– Кто поведет группу?

– Я.

– Допуск к ночным есть?

– Получен в мае этого года.

– Какие машины пойдут?

– «Ил-2», шесть машин нами подготовлено к ночным полетам: удлинены выхлопные патрубки, сделана охлаждаемая накладка на них, чтобы в ночи не светились. Загружены кассетными осколочными бомбами и ракетами. Обеспечивать подсветку целей будет разведгруппа, которая вылетит в район заранее на самолете «шторых» с немецким двигателем. Разведгруппу должны прислать из Ковно.

– Так! Днем в районе Плунгян вы работали?

– Да, вот отчет.

– Чем бомбили колонну?

– Гранатами Ф-1 и РПГ-40 в контейнерах. – Я достал из стола фотографии кассетных бомб. – Вот только картонные трубы у нас кончаются, товарищ генерал, на полтора полных вылета осталось.

– А где брали?

– В Ковно, на картонажной фабрике. Она сейчас под обстрелом.

– Образец есть?

– Найдем. Лейтенант Хаустов, распорядитесь принести от вооруженцев.

– Есть.

– Знакомьтесь, майор Ложечников, командир 241-го ШАП. Вот он считает, что эскадрилья недопустимо мало произвела самолетовылетов.

– А вы не могли бы дать в цифрах ваши выкладки, товарищ майор? С учетом того, что самолетов у меня: семнадцать «Ил-2» и шестнадцать, теперь уже четырнадцать «чаек», а топливозаправщик до вечера был один. Сейчас – семь.

– Причем здесь топливозаправщики? – спросил майор. – Один ТЗ может заправлять восемь самолетов в час.

– «Чаяк», и только два «Ил-2», на заправку каждого уходит двадцать семь – двадцать восемь минут. Плюс переезд к следующей паре. Считай, полчаса. Полчаса на восемь – четыре часа. Вы «Ил-2» освоили?

– Нет, мы их еще не получали. Почему вы не организовали постоянное прикрытие войск? – спросил майор.

– Потому что действовать надо большой группой, иначе возрастут потери. Немецкие истребители работают парами на свободной охоте. Небольшие группы самолетов для них – семечки, а с большой группой им не справиться. Во время вылета под Плунгяны три пары «мессеров» пытались сорвать штурмовку колонны, и ничего у них не получилось. Наши потери – два самолета, и у немцев повреждено два. Сбить не удалось, но повредить – повредили. А колонну разнесли в пыль.

– Не спорьте с ним, майор. Этот мальчишка в «Илах» и их боевом применении разбирается лучше нас с вами, – вставил комиссар. – Я не против, товарищ генерал, чтобы майор поприносил здесь и посмотрел, как организована боевая работа. К утру дневные потери мы восстановим за счет резервных машин полка. Я в своих донесениях в ПУ ВВС фронта указал, что кроме мостов, стационарных и наплавных, колонны противника, артиллерийских батарей у Ковно, группой Шкирятова и моей группой сбито и повреждено почти сорок пикирующих бомбардировщиков. А потери группы всего две машины. Летчики живы и уже в расположении полка принимают в Кейданах новые. Утром будут здесь. Полк успешно провел первый день войны, особенно отличилась группа Шкирятова.

В разгар спора появился полковник Голубев, который прибыл вместе с батальоном погранвойск НКВД – то, собственно, за чем я к нему и летал. Охранение аэродрома у нас никакое, а вокруг шныряют «бранденбурги» и «саудисы» разные. Они нас в покое не оставят – ну, если начальство само в распыл не пустит. Комиссар понимал, что заслуги полка пытаются принизить деятели из соседних дивизий, которые стремятся прибрать к рукам «его» произведение. Он-то в эскадрилье дневал и ночевал все эти месяцы. И сейчас, когда все путем и восстановлено управление, появляются «варяги», которые готовы влить свою ложку дегтя в наш чистейший мед.

В окошко землянки втаскивают провода от «Редута».

– Что это? – недовольно спрашивает генерал.

– РЛС «Редут» настраиваем, товарищ генерал. Перехватили по дороге отступающие части ПВО от границы. Бежит воинство. Тормозить приходится. Вот и дивизионную радиостанцию прихватили. Обогащаемся потихоньку.

– А что с ними делать, с этими живопырками?

– Организовывать противовоздушную оборону на участке фронта. Кто бы еще «мига-рей» и кислородчиков прислал, мы бы еще и ночные полеты на перехват немецких ночников организовали.

– Откуда ты такой умный?

– Борисоглебское училище летчиков, товарищ генерал.

Принесли два индикатора и большой кусок плекса. Я уселся транспортиром и здоровенным циркулем делать планшет, а генерал и полковник Голубев разговаривали. Генерала интересовал бой под Каунасом и мнение полковника о качестве работы эскадрильи. Через пятнадцать минут у нас появились отметки на мониторе, которые я перенес на планшет. Через три минуты обстановка была нанесена.

– Штурманы требуются, товарищ генерал. Пока есть только операторы. Давай, веди! – сказал я сержанту в очках. – Время! Товарищ полковник? Вы разведгруппы привезли?

– Да, как обещал.

– Давайте троих сюда, поставим задачу.

Вошло три человека. Двое со снайперками СВТ и один с дегтяревым.

– Старший разведгруппы сержант ГБ Гуськов.

– Смотрите сюда, сержант. Группа будет доставлена самолетом «шторх» вот сюда, под Рагнит. Машина сядет в поле за железкой. У Гаулгаллена – аэродром противника. Получить на складе 40-миллиметровые парашютные ракеты и подсветить стоянки. Днем стоянки находились на восточной стороне ближе к роше. Задача снайперов – прожектора ПВО противника. Отход сразу после их уничтожения. Летчик будет вас ждать. В случае любых накладок уходите в Траппонер-форст, там поменьше фольварков, постараемся забрать вас вот с этих двух площадок. «Северок» я у вас вижу. Задача ясна?

– Да, товарищ командир, все поняли.

– Товарищ Мальцев! Кто летит?

– Хлопони́на. Сержант, после получения снаряжения ко мне подойдите.

– Есть! Разрешите идти? – он забрал подписанное требование.

Еще сорок минут ждали, когда Хлопони́на доложится, что они сели, затем в два сорок пошли на взлет. На всякий случай идем не слишком высоко, держим три километра. Через двадцать минут под крылом Юрбаркский лес. В Немане отблескивает предательница луна. Уменьшаем обороты, идем над Траппонерским лесом, планируем, чтобы выйти в точку поворота на север. Плавнo перевожу машину в вираж, мы на курсе. Сообщил на КП. У немцев зажигается несколько прожекторов, нас услышали. Можно прибавлять, продолжаю снижаться. Держу сто пятьдесят, чтобы гранаты начали рваться в воздухе на высоте около двадцати –

тридцати метров. Есть ракеты, и в течение нескольких секунд гаснут прожектора. Как бы под этот свет не попасть! Высоковато висит люстра, но стоянки я увидел. Доворот! На боевом, считаю секунды. Немцы сбили мешающую мне ракету, но отсчет продолжается. Сброс, сброс, сброс, и последний. Полный газ и в набор, уйти от собственных взрывов. Есть! Вижу в зеркалах разгорающиеся самолеты. Встал на вираж, вижу темный прямоугольник бочек и посылаю туда два РС. Доворот, казармы, четыре РС, доворот, позиция «эрликонов», и все оставшиеся РС пошли туда. Вираж, и грохот «ультраШКАСа» за спиной. На всякий случай оборачиваюсь. Нет, Ксюша бьет по земле, что-то увидела там. Подал команду отходить по окончании работы. Кто выполнил два захода, как я, кто растянул удовольствие аж на четыре, так как ПВО подавлено. Запросил КП, что с подбором.

– Подбор выполнен. Один раненый.

– Мы возвращаемся.

Теперь идем, прижимаясь к земле. Высота двести метров. Группу собрать не удалось, за мной идет только одна машина. И мы садимся первыми. Следом за нами сел один, потом пара. Потом довольно долго ждали Пашу. Наконец, определили, где он, по локатору и помогли добраться до дома. Малость плутанул.

– Че ты по пустым бочкам-то бил? – смеясь, спросила Ксюша.

– Откуда я знал, что они пустые? Ладно, Вильгельм Телль, сама-то по чему стреляла?

– По бочкам, там рядом другие лежали, те загорелись.

– Ну и молодец, пошли, закажи мне завтрак, я скоро.

– В штаб принесу, тебя ж оттуда не выпустят! – Смотри, заботливой становится, а то сразу: «Убью!»

Подошел Алексей Михайлович, похлопал меня по плечу.

– Молоток, Сережка, вывел точно и операцию хорошо продумал. Я все голову ломал: почему напрямую не идем, там вроде бы удобнее? А после виража понял, что мы сразу на вторую площадку носом вышли. Пошли в штаб, доложимся Наумычу. Где, интересно, остальные машины?

– Там на РЛС и посмотрим.

– Как тебе стрелок?

– Да ничего! Глазастая.

– И симпатичная, и наша! – он погрозил мне пальцем. Все Кристину простить мне не может. Кстати, с ее запиской надо что-то делать. Там агентура немецкая в Кейданах.

– А зря вы ее ругаете.

– Кого?

– Кристину. Смотрите, что перед отъездом передала.

– Она уехала?

– Не знаю, говорила, что через час поезд и в Москву. Она слышала по радио, что будут призывать поляков в польскую армию на территории СССР.

– Я такого не слышал. Ладно, передам Евсееву. Сегодня там буду. А что сам не передал?

– Сразу на вылет пошел, а его в штабе не было. Отдавать через третьи руки не хотелось.

В штабе выяснилось, что никого из начальства нет. Остался только майор Ложечников. Как стало известно, у него в полку нет летчиков, только десяток «чаек». Проще говоря, полка нет, вот он и подумал увести из 8-й в 7-ю САД практически целый полк. Хитрец. Оставлен Ионовым для получения опыта руководства штурмовым полком на «Ил-2».

После принесенного Аксиньей завтрака с горячим какао захотелось спать, поэтому, оставив в штабе дежурного, расползлись по землянкам. На этот раз пистолет под подушку никто не совал. Мирный договор вступил в действие. Но долго рассыпаться не дали. Подскакившую было Ксению уложил обратно в койку:

– Ты спи, тебе еще рано.

– А ты?

– А мне пора.

Утром на вылет пошли без меня, у меня две дырки штопают: осколки от «феньки» дотянулись и перерубили стрингеры на хвосте. Так что ремонт. Ребята бомбили со ста, как положено, у них дырок нет. Опять вылет к Ковно, уже знакомая обстановка, только, если повезет, подольше поработают над целью. «Повезло»! Три машины возвратились похожими на решето, и именно в звене комиссара. Видимо, неправильно были выставлены задержки у «соток». На земле тоже новости от Ионова: переброшена 2-я эскадрилья старшего лейтенанта Васина из 15-го полка. У нас появились «МиГи», и прибыл 516-й батальон аэродромного обслуживания. Пока не в полном составе, только командование и одна рота на автомобилях, но приказ у них имеется, так что ждем. Официально закрепили две батареи тридцатисемимиллиметровок за нами и передали радиолокационную роту 12-й дивизии ПВО в количестве восьми человек и двух радиолокационных станций. Теперь это не захомяченная, а собственная, пусть и отдельная часть. Приказом закрепили приданность эскадрильи Мальцева. Прилетели Мамушкин и Гущин. Несмотря на раннее утро, от обоих несло хорошей порцией коньяка, правда, прилетели они пассажирами, так что ничего не нарушили. Комдива вижу второй раз в жизни. Он довольно высокий, с зачесанными назад волосами, в пилотке, а не в фуражке, причем пилотка старого образца, синяя, с голубыми кантиками. Сухо отмахнулся от рапорта, спросил только, почему не в воздухе.

– Ночью бомбили Рагнарский авиаузел, прилетело по машине, в ремонте. Через два часа закончат, клей еще не высох.

– Комиссар где?

– В воздухе, он повел группу.

– Почему мне не доложили, что новые бомбы сделали?

– Я не знаю, командир эскадрильи связи с комдивом не имеет.

– Показывай, приказано развернуть их производство и сборку.

– Это вон там! – я показал на лес, где находились вооруженцы. Чуть помотав головой, комдив понял, что идти придется. Тащить сюда тяжеленную бомбу никто не будет.

– Где все остальное делали?

– В полковой столярной мастерской, чертежи есть у ее начальника, начальника вооружений и у старшего техника полка.

– А эта проволока зачем?

– Разрезать контейнер после сброса. Гранаты должны выпасть из него и сбросить предохранительные рукоятки.

– Сам придумал?

– Сам, но они находятся на испытаниях, там немного другой взрыватель к Ф-1, а РПГ-40 используется как есть.

– Ладно, особо сложного ничего нет.

– Важно соблюсти вот этот размер и равномерно пробивать проволокой. В заводском контейнере будут пирозамки, и он состоит из двух частей. Но в полевых условиях такой не сделать.

– Давно придумал?

– Осенью сорокового.

– Нас вчера возили под Плунгяны, и я, как дурак, не мог ничего сказать, как удалось так раздолбать полковую колонну. Подставили вы меня, Степан Наумович, да и ты тоже хорош, не мог в прошлый раз сказать?

– Вы не спрашивали, вы тогда больше о торпеде говорили. Моряки же здесь были.

– С торпедами придется повторять, только еще левее. Немцы прорвались на левом фланге, завтра-послезавтра будут у Немана.

– Торпедой крыло требуется и пиропатрон его сброса. Три торпеды из шести зарылись в грунт. Возвращаются! – я показал пальцем в небо.

– Пошли встречать.

Первыми сели поврежденные машины – сплошное решето. Как дошли, непонятно. Летчики разводят руками, утверждают, что проверяли задержку. Возвращаемся в парк, поставили задержку на осколочный взрыватель. Вместо десяти секунд он рванул на шестой – брак. Роемся в бумагах – партия на задержку не проверялась. Неправильно установлен лимб, смещен на четыре секунды у всей партии. Шум, визг, поиск врагов, ты виноват! Но обошлось, так как партия вскрывалась ночью, до этого мы бомбы с этими взрывателями не использовали, в момент подготовки я находился в воздухе. Так что попало только вооруженцам.

Вышли с позиции. Успокоившись, Гущин сказал:

– Ладно, не беда, идет эшелон с «Илами», сорок штук, я его направил к тебе, Наумыч. А с тебя, лейтенант, обучение всех, кого направлю. Быстро и качественно. Понял?

– Понял, товарищ полковник, вот только увеличение групп потребует увеличения численности прикрытия и замены самолетов «И-153» на «ЛаГГ-3».

– Где ж я их тебе возьму? Даже в армии нет ни одного «ЛаГГа».

– Я знаю, но вопрос надо поднимать именно сейчас. Немцы рано или поздно соберут в кулак истребительную авиацию и постараются с нами разделаться. Чем больше мы их будем кусать, тем резче будет немецкий ответ. Пару или четверку восьмерка «чаек» отгоняет, а с большим количеством справиться будет очень сложно. Мы, конечно, поможем, чем сможем, но задача истребителей – затягивать немцев под наш огонь.

– Ладно, лейтенант, не сгущай краски, и так хватает неприятностей. Фактически из дивизии летает только 15-й полк, двести два вылета за вчера, ну и твоя группа произвела сто двадцать семь вылетов.

– Сто сорок восемь, товарищ полковник, еще «аисты» не посчитали, а они вели разведку, подбирали летчиков, обеспечивали переброску л/с. Много летали.

– Ты чего, Наумыч, к титке припал и сидишь в Кейданах?

– Мне что, работы не хватает? Полк по разным точкам сидит, всех обеспечивать надо. Только и успеваем вагоны разгружать. Там станция, и держаться надо за Кейданы двумя руками, а помощники у меня хорошие – и Мирошкин, и Шкирятов, и другие.

– Сколько он у тебя?

– Третий месяц.

– И все и.о. и младший лейтенант? Не солидно! Ведь почти полком командует! Подавай документы, Ионов подпишет, вернулся очень довольным.

– Напишу, – мрачно ответил Мамушкин.

Подбежал посыльный.

– Товарищ полковник! Разрешите обратиться к младшему лейтенанту Шкирятову!

– Обращайтесь.

– Товарищ командир, просили передать: большая группа самолетов курсом на нас, дистанция сто километров.

– Объявите тревогу. Товарищ полковник! Разрешите идти! Вам лучше улететь. Видимо, по нашу душу идут.

Бегу на КП. Дежурный докладывает: группа самолетов около пятидесяти – ста отметок появилась на высоте четыре тысячи метров от Инстербурга. Пеленг на цель не меняется, идут сюда. У КП командиры, в том числе командир дивизии.

– Слушай боевой приказ! – все застыли.

– Группа вражеских самолетов, двумя эшелонами, следует к аэродрому. Высота нижнего эшелона – две тысячи метров, верхнего – четыре. Скорее всего, нижний – Ме-110, верхний – Ju-87. Им идти пятнадцать минут. Взлетаем все и набираем в стороне шесть – семь тысяч, пропускаем под собой, истребителям связать боем прикрытие, штурмовики займутся пикировщиками, с Ме-110 будет работать артиллерия и те, кто провалится вниз. Полное радиомолчание до моей команды, канал связи два, запасной – семь. «Мигари», у вас связи нет, держитесь поближе. Будет туго, подводите «мессы» перед нами. Поможем. По машинам, прогреваться на рулежке! Взлет по готовности, высоту набирать в стороне от аэродрома. Всем – к запуску!

Я и Ксюша рванули к машине, помогаем сбросить маскировку и запускаемся, двойной свисток о готовности стрелка, взлет с места. Отхожу к Шуливе, и там, прикрываясь кучевыми облачками, начинаю набирать высоту, за мной идут и истребители, и штурмовики, пока вразнобой, но перестраиваются. Че-то у меня машина тяжеловато высоту набирает! И тут я вспоминаю, что вылет-то мне отменили, но четыре осколочных контейнера у меня с собой. Смотрю вниз в прицел, подо мною машины, не сбросить. Беру по сетке дистанцию и понимаю, что могу довольно точно ее измерить! А прицел мне выдаст точную поправку по разнице скоростей. Тоже дело! Выругался, но ползу вверх, на пяти тысячах дал поддув в кабину. Мне-то хорошо, а каково сейчас Ксюхе! Подул в трубу.

– Справа маска, только кислород старый, осторожнее. Как ты там?

– Пока в норме.

– Начнешь терять сознание – стреляй.

– До шести я летала.

Шесть, значит, шесть. Перешел в горизонталь. Получаю с земли курс, дистанцию и курсовой угол на цель. Все, доворот! Дал команду доворачивать, покачав крыльями.

Курсовой слабо меняется на корму, чуть повернул. Нас пока скрывает довольно большое облако, но оно скоро кончится. Им до цели осталось семь минут. Цель вижу, и немецкое прикрытие нас обнаружило. Шесть пар немцев полезли наверх, четыре пары крутятся у бомберов. Черт, «МиГам» не передать команду атаковать нижних. Впрочем, смотрю, Васин сам сообразил, что делать, он разделился: две четверки атакуют поднимающиеся «мессы», а одна пошла ниже.

– «Чайкам», атака! «Горбатые» за мной! – валюсь на крыло и ухожу в пикирование, одновременно прикрывая щитки двигателя. С интересом заглядываю в нижний прицел, он имеет привычку забрызгиваться маслом. Слегка успел, но еще видно, взлетели всего восемь минут назад. Предупредил своих, чтобы близко к бомберам не лезли, работать пушками с пятисот метров, бомберы поджались и готовятся отражать атаку. Так, последняя девятка вползла в прицел, эх, высокоовато иду! Накренил нос, дав десять градусов пике, выровнялся, и сброс. Обороты, и наверх. Одна, две, три, четыре, пять, шесть! Звучит свисток Ксюхи! И по радио: «Ни хрена себе!» А мне ни фиги не видно! Чертов «Ил», все, что сзади, рассмотреть почти невозможно. Наползает еще одна девятка, эти по мне ведут огонь. Маневрирую активно, выполняя «змейку». В прицеле, сброс, загрохотал «ШКАС», замигали лампочки: доворот вправо. Иду вправо, в зеркале вижу хищную морду «месса». Опять «ШКАС», и «мессер» запарил движком. Второй проскочил подо мной, так как я сбросил скорость. Бью вдогон из всех стволов. Есть! Свисток от Ксюхи – короткий, чисто! Иду на третью девятку, доворачивая влево. Есть, сброс. И вижу, как «юнкеры» валятся в разные стороны на крылья и их строй распадается, они уходят в пикирование, не доходя до цели. Четвертая впереди, крайняя кассета.

– Не будь жадным, нам оставь! – послышалось в наушниках.

Дую в трубу Ксюхе:

– Обстановку сзади дай!

– Наши ведут огонь по «девятке», они ниже трехсот, «мессеров» не видно, они пошли за третьей, наверху бой, много парашютов, в основном белые, немецкие.

До четвертой дойти не успел, она рассыпалась, собираю своих и команду прикрытию выходить из боя впереди нас. Налета верхних не будет, теперь бы узнать, что там внизу. Снизу докладывают, что несколько «мессеров» обстреливают лес и пустые стоянки, 15-й полк идет на выручку. Попросят продержаться пять минут. И мы начали спускаться, находясь в постоянной готовности встать в круг. Несколько «чаек» притащили за собой хвосты, которые пришлось отсекал пулеметно-пушечным огнем, но разгром эскадры убавил желание у немцев разделиться с нами прямо сейчас. «Чайки» уверенно маневрируют на виражах, прикрывая нас огнем и маневром. В Зибулях приземлились только подбитые машины, остальные ушли в Кейданы. Я там завис с машиной на сутки. Около сотни пробоин и куча вмятин на броне.

А женщины любят героев! Теперь я точно это знаю. Мы плюхнулись на поле в Кейданах, и я зарулил в свой капонир. Развернулся прямо перед ним. Еще не успел отстегнуться и нас заталкивали назад под сеть, как Ксюха выскочила на крыло, открыла мой фонарь и сунула мне в руку осколок, который срикошетил от пулемета и упал ей на колени. И начала меня целовать. Видимо, перепугалась. Я встал и поцеловал ее по-настоящему. И она ответила. Мы так и стояли на виду у всех, а все аплодировали. Мудаки! Страху и я, и она – мы натерпелись! Сто метров – это не дистанция! Потом она зарделась, вырвалась и закричала: «Больше двадцати бомберов за вылет и два «мессера»! Я его люблю, ура!!!» Большая часть людей тоже начала орать «ура», и лишь пожилые, выдавшие виды механики понимали наше состояние. И не сильно верили в случившееся. Я ничего не видел, но сзади сели мои ребята, которые гурьбой бежали к моему самолету. Что-то переспросив, они принялись кричать «ура», и только Мирошкин стоял и улыбался. Потерь не было! И аэродром мы отстояли! Я спрыгнул с крыла и протянул руки Ксюше. Она буквально упала мне в руки, и пришлось звать доктора.

– Перенапряжение! – констатировал он. У меня ноги тоже подкашивались. Ксюху положили на носилки, а мне дали посидеть у колеса самолета. Полет окончен! Все живы!

Ну, а насчет остального... Вечером мне дали окончательный ответ: «Да, я тебя люблю. Я согласна. Посовет через речку. И у нас все будет хорошо!» Я взглянул на хронометр на руке – 19:45.

– У тебя платье есть?

– Какое и зачем?!

– Свадебное! Я щаз!

Бегу в «Слизняк». Бургомистра, то есть председателя поссовета в одном лице, нет. Говорят, что плохо себя чувствует и дома сидит. Ну, не дома, а на гауптвахте, не фиг общаться, с кем не следует, плюс ключи от сейфа с печатями у него изъяли. Короткий визит к Евсееву.

– Ты че, с дуба рухнул?

– Ну, товарищ лейтенант ГБ, наверное! Но моя невеста требует, чтобы все было оформлено по всем законам. А если ждать перевыборов, то я помру холостым.

– Ты? Точно! Кто невеста?

– Дочь коменданта Ковенской погранкомендатуры.

– Ксюша?

– Она.

– Дежурный! Открой пятаю! И арестованного ко мне!

Нас «повенчали». Но на этом мои приключения не кончились! Пришлось гнать Колю Мальцева за матерью и отцом невесты на «шторьхе», потом выслушивать то, что они нам пожелали. В общем, полковник Сергей Голубев сказал самую мудрую фразу:

– Я женился на Алевтине на третий раз, как ее увидел. И ничего, на других баб не тянуло.

– Примерно то же самое мне отец рассказывал.

– Время сложное, Серега. А она – стрелок.

В общем, пока я бегал и извлекал «бургомистра» с «губы», дружный коллектив ДКС-5, в котором мы проживали в тот момент, под чутким руководством сержанта ГБ Голубевой и жены батальонного комиссара Ефросиньи Андреевны отправили в Ковно Колю Мальцева за родителями невесты, благо что тут всего сорок пять километров, остальные обитатели ограбили весь «Слизняк»: выносили из комнат и сдвигали столы на втором этаже общаги с коридорной системой – «на тридцать восемь комнаток всего одна уборная». Их было, правда, две, и две большие умывальные. Душа не было, вернее был летний, во дворе. Посланы гонцы в столовую за харчем, в четырех печках запекались курицы, немногочисленные еще не уехавшие жены летчиков всего полка потянулись к ДКС-5 со своими припасами, все равно их девать некуда, только бросить. Из Даукши начали подтягиваться знакомые девушки летчиков, тоже не с пустыми руками. Запахло чесноком и приправами на твое. Появились музыканты с пейсами, которые не могли пропустить бесплатную выпивку. Подключился Мамушкин, который выдал наркомовскую водку, которую задолжал эскадрилье, и за сбитые тоже – в общий котел выставил. Я появился вместе с Евсеевым и «бургомистром» в момент, когда нас уже устали ждать и начали разогреваться перед процедурой. Невеста, как положено, была бледна и взволнованна. Платье ей ушили крупными стежками чье-то свадебное. Была даже фата. Под «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», которую подхватили все, процессия двинулась через плотину к бывшей мэрии, теперь поссовету. На крыльце дома нас спросили о согласии на добровольное заключение под стражу, на что мы оба согласились, а потом все закричали «горько». Невеста запустила свой букет на кого бог пошлет, и мы вернулись к праздничному столу. Уже пошли разговоры: «Ты меня уважаешь?», когда дневальный внизу прокричал: «Смирно!» Мамушкин тут же наострил уши, поднялся, схватил чью-то пилотку и побежал вниз. Вслед за ним побежал и Мирошкин. Меня, само собой, не отпустили, а попытку подняться блокировали очередным «горько». Полковник Голубев был уже внизу.

Часть 4

«Ваш опыт необходимо немедленно передать в войска!»

Какие гости! Сам представитель Ставки Главного командования, и с ним ЧВС фронта корпусной комиссар Дибров с группой товарищей. Очень самоуверенные летчики побежали за дополнительными стульями и посудой. Разноса не последовало, более того, штрафную все накатили. Закусили. Проникновенную речь толкнул товарищ Мехлис и лично сказал, что ему «горько». Свадьбу не испортили, а вот брачную ночь просто в ноль раскатали.

Минут через двадцать ко мне подошел старший майор ГБ и на ухо велел вместе со всеми выйти для разговора. Попробуйте не послушаться генерала КГБ! Само собой, прошептал на ушко невесте, что я скоро. Ее «угу» было наполнено такой печалью! Она-то понимала, что неизвестно, когда я вернусь и вернусь ли вообще в ближайшие дни. Надев пилотку, спускаюсь вместе с начальством. Мехлис быстрым шагом идет в сторону штаба, в машину не сел, хотя они завелись и едут за нами.

– Лейтенант, вам утром надо быть в Москве. Ваш опыт следует немедленно передать в войска, сделать это можно только там.

– Что передавать, товарищ армейский комиссар 1-го ранга?

– Что что?! Как сбивать двадцать шесть самолетов за два дня.

– На чем?

– Как на чем? На «Ил-2»!

– А я на нем не летаю. На нем это невозможно выполнить.

– Не понял!

– Я летаю на полевой переделке самолета «ЦКБ-57» под самолет «ЦКБ-55». Таких машин в мире всего две, и они обе у нас в эскадрилье.

– Так, а почему мне об этом никто не доложил? «Летчик на «Ил-2» сбил за два дня двадцать шесть самолетов противника» – что за херню мне передают! – он шумел минут двадцать и обещал всех отдать под суд военного трибунала, меня в том числе. В конце концов успокоился и произнес: – Что за машина и почему возникла путаница?

– Эта машина имеет схожие очертания с «Ил-2», это ее прототип, но бронекорпус у нее от другого самолета, который в серию не пошел: «ЦКБ-55» – прототип двухместного штурмовика Ильюшина. На который и существовало государственное задание. Но из-за того, что двигатель АМ-35 не развивал достаточной мощности, а двигатель АМ-38 не прошел к тому времени заводских и государственных испытаний, этот самолет не мог развить скорость, прописанную в техзадании. Требовалось либо уменьшить бомбовую нагрузку, либо снять стрелка и его вооружение. Просто сняв стрелка и его вооружение, не получилось. Этот самолет имеет меньшую на пятнадцать километров в час скорость, чем в техзадании. Тогда инициативным порядком КБ Ильюшина режет бронекapsулу и делает его полностью одноместным. Забронирован только двигатель спереди, с боков и снизу, и бронеспинку переместили сразу за летчика. Вместо стрелка воткнули бензобак, и влезли по дальности. Сумели сдать такую машину и запустить ее в серию. У нас две машины имеют корпус и бронекapsулу не обрезаемую. Бензобак мы удалили, восстановили кабину стрелка и поставили туда пулемет. Можем пройти в ПАРМ и посмотреть. Машина получила сотню пробоин, и большое количество пуль срикошетирировало от брони. Но эти повреждения незначительны для нее, и мы свободно дошли, несмотря на потерю части горючего, и сели на основном аэродроме.

– Так, минуто, но ту же операцию мог выполнить и одноместный самолет.

– Нас еще на подходах ко второй девятке атаковало прикрытие: два «Мессершмитта-109-ф». Один был сбит стрелком, вы ее видели, это моя жена, она мне жизнь подарила, вот я и стал ее мужем, а второго сбил я, когда он проскочил подо мной. После этого мы разделились со второй и частью третьей девятки. Могли сбить и четвертую, но ребята упростили ее им оставить. В общем, товарищ армейский комиссар, рекламировать пока нечего. Контейнерные бомбы, которые мы применяем, изготавливаются кустарно. Взрыватель у них – стандартный УЗРГ, который имеет малую задержку, и взрыв происходит, когда самолет находится в зоне поражения осколками самой гранаты. Конструкция бомбы передана мной в наркомат вооружений еще в ноябре, но воз и ныне там. Так что никуда я не полечу, а буду показывать свои цирковые номера здесь, под куполом литовского цирка. Немцы слева от Ковно подходят к Неману, нужно бить мосты там. Кроме этих самолетов выполнить торпедную атаку наплавного моста никто не может.

– А танки чем бьете?

– Тоже контейнерными несерийными бомбами с гранатами РПГ-40. По ним замечаний нет, только их достать трудно.

– Да, задал ты задачку, лейтенант, – задумчиво сказал Мехлис, сдвигая кожаную фуражку на затылок и почесывая себе лоб.

– Товарищ Мехлис, разрешите вопрос? – с сильным акцентом сказал тот самый старший майор ГБ. Мехлис мотнул головой, разрешая.

– Аткуда ви, таварищ Шкирятов, так харашо знаете, что дэлалось в КБ таварища Илиюшина? Эта сэкрэтные свэдэния.

– Эти машины я испытывал на практике в ЛИС 18-го завода в Воронеже. В документах четырех из пяти первых машин в полку стоят мои подписи под военной приемкой.

– Могу подтвердить это! – сказал Мамушкин.

– И я. Это я разрешил переделку машин в двухместный вариант, когда узнал о нем, – не побоялся ответственности батальонный комиссар Мирошкин. – И я сам летаю на такой машине, со стрелком и полной бронекапсулой. Машина очень хорошая, а то, что радиус меньше, так мы далеко не летаем, и лейтенант Шкирятов уже изготовил дополнительные баки для них. У него много предложений по использованию и боевому применению машины. Очень эффективных предложений.

– Вы в состоянии командовать этой эскадрильей, если товарищ Шкирятов ненадолго уедет? Я имею в виду немецкие переправы.

– Сам я бросал торпеды. В мае, в море. И один раз в реке, но неудачно. Но можно попробовать противотанковыми кассетами их достать. Как считаешь, Сергей?

– Трудно сказать, щелей там много, если попадет в трюм, то толк будет, а взрыв сверху может перебить тросы. Торпедой надежнее, но много сложнее. Там крыло нужно и устройство, которое освободит торпеду от него. Его нет пока. Так что бомбами и кассетами придется бить.

– Тогда так и решим. Вы, товарищ Шкирятов, летите в Москву.

– Есть смысл лететь на моем самолете. На пальцах объяснять очень сложно.

– Он же в ремонте, когда он будет готов?

– Обещали, что завтра.

– Товарищ Мамушкин, выделите необходимое количество людей для его ремонта.

– Даже если собрать вместе девять беременных баб... Есть, товарищ армейский комиссар.

– Что вы хотели этим сказать?

– Клей АК-88 имеет строго регламентированное время сушки, товарищ армейский комиссар.

А наш Наумыч – орел! Не смотри, что мелкий. Впрочем, мал клоп, да вонюч.

– Так, все вон! Лейтенант, останься.

Кроме меня остался и старший майор, он, видимо, «не все». Мехлис достал бумагу, золотой «Паркер» и начал писать что-то на листе хорошей бумаги. Я сидел и помалкивал, потом мне надоело, я сказал:

– Может, я пойду? Там меня невеста ждет...

– Нэ нэвэста, а жена, она уже ныкуда нэ дэнэтся! – и сам рассмеялся своей шутке майор. Ухмыльнулся и Мехлис.

– Я пишу товарищу Сталину, вы можете потребоваться, чтобы я ничего не перепутал. Я не специалист в авиации.

Писал он долго, несколько раз действительно спрашивал о тонких вопросах, уже рассвело, но он продолжал писать. Судя по всему, он писал не только обо мне и авиации. Затем запечатал конверт и передал его майору. Тот вытащил какую-то тетрадь и записал туда что-то, достал ленту и еще раз проклеил конверт, зажег маленькую спиртовку, накапал сургуч. Мехлис подошел к столу, где колдовал майор, и прислонил свою печать. Майор прислонил к пакету какие-то штампы. Вытащил из портфеля бутылку с КС, проверил крепление ампулы, обернул пакет вокруг бутылки. Достал еще пакет и упаковал все сооружение в него. Опять полез в портфель и достал оттуда фельдьегерскую сумку. Уложил и скрепил своими печатями закрытые замки. Ключи от нее сунул себе в карман. А Мехлис переспросил имя-отчество и номер командирского удостоверения личности. Заполнил бумажку и передал ее мне.

– Это пропуск в Кремль с пометкой «лично в руки». У секретаря Сталина вскроют пакет, сам пакет передадите лично, и ожидайте в приемной ответ. Все понятно? Пакет особой важности, так что до вылета будете оставаться здесь, под охраной.

– За женой моей надо послать.

– Это еще зачем?

– Она – стрелок-радист моего самолета.

Мехлис усмехнулся.

– Сплошная семейственность. Пусть поспит, но я распоряжусь, чтобы не препятствовали члену экипажа.

– А завтрак? И все прочее?

– С бытом? С бытом вопрос решаемый, фельдслужба поможет, но только с сопровождением. До свидания, товарищ Шкирятов. Рад был познакомиться с таким знаменитым летчиком. Я обернулся направо и налево, за спиной никого не было. Мехлис понял мою шутку.

– Все впереди, а начало, начало – прекрасное, особенно на фоне событий. Жаль, что не смогу вылететь с вами. Дела, и не очень радостные.

Я пристроился на стульях и малость придавил. Брачная ночь закончилась, не начавшись, затем около половины одиннадцатого принесли новенькую форму – с лейтенантскими петлицами, попросили передать удостоверение личности. Вместе с формой принесли шикарный черный кожаный реглан. Летом это, конечно, излишество, но такими регланами могли похвастаться только очень старые летчики. Он был новый, где-то висел на плечиках, но петлицы аккуратно пристеганы именно лейтенантские. Не иначе Наумыч распорядился. Их уже пару лет не выпускают. Новенькие, надраенные до зеркального блеска хромовые сапоги. И все моего размера. Гимнастерка даже ушитая. Вспоминаю, что Ефросинья Андреевна – начальник швейной мастерской. В общем, полк своих не бросает и хочет утереть нос «масковским». Затем был штурман полка и передал мне полетную карту с нанесенной обстановкой на двух участках фронта. На карте пометка «001», пришлось расписаться в получении.

– На виду не держи и перед вылетом обратно не забудь заранее сдать ее в штурманскую часть в Москве. Там нанесут, с изменениями. Отметка об этом есть. Машина будет готова через час-полтора.

– Зовите фельдьегера, мне завтракать пора или обедать, хрен разберешься.

Чекист, который охранял меня, куда-то позвонил, через некоторое время мы с ним пошли в столовую. Прямо у штаба на скамейке в курилке сидит Ксюха.

– Пошли завтракать, стрелок!

– Ваши документы, пожалуйста, товарищ сержант ГБ! – вежливо попросил лейтенант. Он старший по званию, поэтому право на проверку он имел.

– Это мой борт-стрелок.

– Насчет борт-стрелка распоряжение было. Вы с нами?

– Минуту! – она вошла еще раз в курилку и взяла с собой ворох обмундирования, в том числе такой же реглан. Ну, Наумыч расщедрился! Завтракали мы за отдельным столиком, вместе с лейтенантом. О том, что, зачем и куда – ни одного слова. Присутствие двух чекистов возле меня у всех отбивало настроение что-либо спрашивать. Вернулись в комнату уже втроем. Расписались в передаче сумки. Звонок, машина готова. Лейтенант потащился с нами на старт, сучок! Поэтому, приняв машину у техника, я и лейтенанта отправил подальше:

– Ваша миссия закончена, отойдите от машины и уйдите со старта. Примета плохая.

Лейтенант улыбнулся и откозырял, только открыл рот пожелать...

– К черту, иди, иди! Не фиг на старт таскаться.

Не, ну, я крут сегодня, как командир корпуса или армии: восемь «чаек» вырывают вместе со мной и после взлета пристраиваются сзади. Свисток от Ксюши, ей поболтать хочется.

– В чем дело и почему тебя задержали?

– Летим в Москву с пакетом Сталину. Мы с тобой сегодня фельдъегеря!

– Фу, перепугалась, просто слов нет.

– Все, не болтать, следи за воздухом. Идем до Смоленска, если будет ветер, то до Орши. Хотя топлива до Смоленска должно хватить, если боев не будет. Как поняла?

– Все понятно!

Я вставил свисток на место. «Чайкам» до Смоленска тоже хватит топлива. Держу триста восемьдесят, чтобы им было удобнее. Идем по разрешенному коридору от одного поста ВНОС до другого. Чем дальше от линии фронта, тем больше истребителей в небе. Дежурят, мать их за ногу! Да еще и перехватить пытаются, а у «мигарей» связи нет, да и мозгов маловато. Дважды сопровождению приходится отсекал попытку сблизиться со мной предупредительными очередами.

Наконец, сели в Смоленске. Очень жаль, что топлива мало. Приходится смотреть, что наделали «юнкеры» на наших аэродромах. Больше часа сидели у машин, прежде чем подвезли топливо. Пришлось сгонять жену на КП, чтобы навести порядок. Не успели заправиться, еще закрываем пробки, как дежурный орет, чтобы мы взлетали и уходили, идет большая группа «юнкеров» и Ме-110. Правда, они еще до Орши и Витебска не дошли, но уже море мата в эфире. Взлетаем. Как мужики будут обратно добираться? В Москву с вооружением не пускают. У Кубинки нас перехватывают, и, уже по радио, «МиГи» требуют произвести посадку и разрядить оружие. Садимся. Предъявляю предписание, что мне на Центральный аэродром. Мужиков оставляют здесь, а я, в сопровождении одного «МиГа», иду на Центральный. Заход только с запада, отворот вправо запрещен.

– Понял, принял. Прошу добро!

– Ожидайте!

Убавляюсь до предела, выпустил щиток, иду. «МиГ» так не может, ему приходится нарезать виражи, но у него посадки нет вообще. Наконец:

– «Восемь два ноль десять», вам посадка.

Чуть прибавляю, и опускаю нос, затем парашютирую, ловя встречный ветер. Слышу сзади ругательства «мигаря», типа нет чтобы на второй уйти. Хрен тебе, я на минимале подхожу на «Т» и касаюсь третьей точкой в двух сантиметрах от него. Садиться с шиком мы можем!

Рулю, направляют обратно в самый дальний угол. И хрен с вами, завтра вручную будете его толкать к парадному входу.

Не успел сесть, как на крыле оказался еще один работник НКВД. Показывает запрещающий сигнал глушить двигатель и требует предъявить документы. Не открывая фонаря, показываю фельдъегерские бумаги. Большой палец вверх, и перекрещивает руки, разрешая заглушить двигатель. А вот толкать на место машину приходится нам вдвоем, как и ставить расчалки и упоры. Целую Ксюшу и оставляю ее заниматься заправкой машины, а сам иду на КП выяснять, что дальше делать. От Ходынки до Кремля довольно далеко, и с такими бумагами не походишь. Угу, служба здесь поставлена неплохо, сразу получил замечание за расстегнутую пуговицу и распахнутый реглан.

Ждать автобус возле спецчасти, он развезет фельдъегерей. А времени уже 17:20. Сижу. Подошла и уселась рядом Ксюша. Глаза усталые, ночь ведь не спали, и три перелета.

– Узнай, где можно поселиться, я в любом случае приеду сюда, и пообедай в летной столовой, талоны ведь есть.

Уныло помотала головой, желая лично убедиться, что я сел в автобус. Наконец «носатый друг летчика» подъехал, я предъявил предписание, и меня посадили в него. Вернулся из здания КП сопровождающий, и машина сразу завелась и тронулась. Налево, направо, еще раз направо и стоп.

– Вон в те ворота.

Я еще не успел убрать вторую ногу со ступеньки, а он уже умчался.

Перешел через площадь и успел четыре раза предъявить документы. Наконец, пропустили через узкий проход и показали, куда идти. В Большом дворце сдал оружие и позволил охлопать себя.

– Следуйте за мной, лейтенант.

Лестницы, ковры, коридоры, много военных, постоянно приходится козырять, наконец, практически пустой коридор.

– Четвертая дверь направо, – а сам стоит и смотрит, куда я иду. Дошел, повернулся на него. Он кивнул. Я вошел. Темновато, но горит яркая лампа у стола. Хотел доложить, но смотрю, что кругом довольно много народа, все в таких званиях, что мама не горюй. Все сидят и курят. Создают рабочую обстановку. Прошел к столу и предъявил предписание. Секретарь нажал на кнопку и показал рукой на стул напротив. Появился командир с нашивками фельдсвязи, осмотрел сумку, протянул мне руку, чтобы взять сопроводилку. Расписался в ней и вынес сумку из кабинета. Вернулся буквально мгновенно и передал пакет мне. А секретарю – записку. Тот кинул на нее взгляд и рукой показал мне новое место, где я должен сидеть. Разговаривает он по телефону так, что его совсем никому не слышно. Несколько раз выходили люди из кабинета, после этого секретарь показывал на кого-то рукой и молча на дверь. Так что следить приходилось постоянно. Вдруг он показал на меня, хотя в комнате было еще большое количество людей, пришедших раньше.

– Лейтенант Шкирятов с пакетом от комиссара 1-го ранга Мехлиса. Лично в руки.

И подаю сопроводилку, а не пакет. Сталин взглянул на бумагу, ухмыльнулся, но бумагу подписал, и я передал пакет. Стою.

– Приказано дожидаться ответа. Разрешите идти, товарищ Сталин?

– Да, посидите в приемной, вам сообщат, если ответ будет.

Отдал честь, повернулся и вышел. Я его по-другому представлял. И на картинках, и на фотографиях он другой. Может быть, освещение такое или устал сильно. И трубку не увидел, несколько смятых папирос лежало в пепельнице.

Закрыв за собою дверь, подошел к столу и передал слова Сталина. Мне показали мое новое место. В кабинет больше никого не направили. Послание большое, так что можно и перекурить. Показал папиросу секретарю. Поскребышев это или нет – не помню. Наверное,

он. Тот мотнул головой, разрешая курить, и мой дым смешался с маршалским! Круто, сижу, курю у кабинета Сталина. А под ложечкой посасывает – кроме завтрака перед полетом, ничего не ел с утра. Папироса кончилась, хоть я ее и пару раз по-новой поджигал. Ответа нет. Звонков оттуда тоже нет. Наконец, секретарь снимает трубку, кстати, все без звука – видимо, лампочки, отсюда не видно. Повесил трубку и кому-то позвонил. Так несколько раз. Сижу, больше курить не хочется. Тянет поспать и поесть. Еще раз жестами напомнил о себе, секретарь махнул рукой, мол, сиди, сидеть тебе еще долго. Влип. Прошел час, появились новые люди, а нескольких человек секретарь подозвал к себе и отправил куда-то из кабинета. Вошел комиссар второго ранга, протянул руку секретарю, потом обернулся и сел рядом со мной.

Я попытался встать, но он остановил меня.

– Армейский комиссар Щербаков, товарищ Шкирятов, мне звонил товарищ Мехлис и приказал обеспечить ваше пребывание в Москве.

– Моя жена и стрелок-радист Голубева Акси́нья Сергеевна находится на Центральном аэродроме. Ищет место, где командированным можно остановиться. А меня отсюда не выпускают. Жду ответа товарища Сталина.

Щербаков написал на листочке несколько строк и махнул кому-то рукой, на ухо что-то сказал подошедшему и передал записку.

– Товарищ Шкирятов, внизу вас будет ждать машина Политуправления и тот старший политрук, который сейчас выехал за вашей женой. Ждем вас у себя. Не прощаюсь. – Он протянул руку, мы обменялись рукопожатиями, и он вышел. Вошли еще люди, которых сразу направили в кабинет. И трое из находившихся в кабинете вышли. Из-за слабого освещения лица сильно меняются, и я из них никого не узнал.

Вдруг, после снятой трубки, рука секретаря указывает на меня и направляет к двери.

– Лейтенант Шкирятов прибыл по вашему приказанию.

– Знакомьтесь, товарищи, лейтенант Шкирятов, Сергей Петрович, на самолете «ЦКБ-57», переделанном в полевых условиях в самолет «ЦКБ-55», сбил лично двадцать шесть самолетов противника за два боевых дня. А его товарищи – у них еще один такой же самолет, остальные «Ил-2», «чайки» и «МиГ-3» – еще тридцать шесть или тридцать восемь машин. На земле группой товарища Шкирятова достоверно уничтожена полковая колонна противника, более тридцати самолетов противника на аэродроме в Рагнаре, шесть стационарных железнодорожных и автомобильных мостов и несколько переправ. И все это потому, что товарищ Шкирятов использует нестандартные приемы и вооружения, заявку на их изобретение и практические разработки он подал во все инстанции, но эти вооружения остались на бумаге, а вместо перспективного и хорошо защищенного штурмовика «ЦКБ-55» был принят на вооружение совершенно ошибочный проект одноместного самолета «Ил-2», который не позволяет в полном объеме использовать даже имеющиеся боеприпасы и которых мы за три дня боев потеряли более трехсот. А группа товарища Шкирятова действовала активно, наступательно, эффективно, сорвала наступление немцев на участке от Тильзита до Ковно, и при этом не имела потерь в самолетах-штурмовиках, потеряно только два самолета «И-153» двадцать второго июня и три истребителя – двадцать третьего. Что скажете, товарищи руководители ВВС и НКВД? Кто приказал принять на вооружение самолет, не соответствующий техническому заданию на него? Кто тормозит в НКВД прием на вооружение новых видов боеприпасов? Кто допустил разгром нашей фронтовой авиации в первый же день войны? Товарищ Шкирятов, помогите товарищу Жигареву восстановить картину дня начала войны.

– Я заступил дежурным командиром звена на аэродроме подскока «Тушки», недалеко от Тильзита, и дежурным по группе в 16:00 местного времени 21 июня. Обратил внимание на отдельные щелчки на линии телефонной связи и понял, что кто-то к ней подключился. Мною был издан приказ, в котором оговаривался переход на запасной канал радиосвязи в случае возникновения помех на линиях. Была условная фраза, после получения которой дежурные

звенья переходили на связь с дублированием каналов. В 20:00, сразу как стемнело, я передал условный сигнал и принял доклады с аэродромов подскока, что они выполнили мой приказ. С нуля часов, выяснив, что телефонные линии отключены, перешли полностью на радиосвязь и только кодом. В 01:00 получил из штаба ВВС округа по радио сигнал «Гроза» и перевел всю группу на дежурство по готовности номер один. Самолеты были заправлены и вооружены. Мною же по тревоге были подняты части ПВО округа, которые располагались по соседству. Они обнаружили большие группы самолетов, идущие на нас, и я приступил к исполнению сигнала «Гроза». По нему штурмовая эскадрилья, с приданными силами и средствами, наносит удар по мостам через Неман. У меня было шесть специально подготовленных самолетов «Ил-2» и «ЦКБ-55» для ночных полетов. Они имели на борту две пары стокилограммовых бомб, связанных между собой тросом и установленным дополнительным взрывателем. Ими все мосты от Тильзита до Ковно были разрушены. После этого мы взяли торпеды 45–36 и попытались ими атаковать переправы через Неман. В трех случаях из шести нам это удалось сделать. Остальные переправы были разрушены бомбоштурмовыми ударами. Девять самолетов «Ил-2» были направлены с прикрытием на поиск и уничтожение бомбардировщиков противника, которые в тот день летали без прикрытия, так как немцы считали, что внезапность нападения принесет им большой успех. Мы действовали только большими группами и по заранее разведанным целям. Связи ни с кем не было, приходилось принимать решения самостоятельно. Ближе к вечеру смогли установить связь с комендантом погранкомендатуры Ковно и отработали БШУ по артиллерийским батареям, а затем практически расстреляли в воздухе полный полк, двадцать семь машин, «Юнкерсов-87» всей эскадрилей. В этом нам помогало то обстоятельство, что мы сразу взяли на вооружение автоматическую пушку ВЯ-23, а не ШВАК. На практике в Воронеже я пробовал все виды вооружения «Ил-2» и «ЦКБ» и пришел к выводу, что 23-миллиметровые пушки МП-6 и ВЯ значительно повышают возможности самолета.

– Ну, что, товарищ Жигарев, вы готовили такой приказ, как товарищ Шкирятов, на случай воздействия противника на линейные средства связи?

– Мы готовили такой приказ, где рекомендовали подготовить подобные приказы на местах.

– Разрешите, товарищ Сталин? – Кивок. – В апреле месяце я прибыл из училища в Кейданы, радиостанции были свалены на складах, и даже КП полка командной радиостанции не имел. В полку не было, штатом не предусматривался, радиоинженера, и отсутствовала радиослужба. Теперь все «чайки» нашего полка имеют радиостанции. А 15-й полк на «МиГ-3» эти радиостанции так и не установил. Физически они имеются. Тем самолетам, которые попадали в нашу группу, мы помогали ставить их и обучали летчиков.

– Я и говорю, что все решалось на местах.

– Если бы вы, товарищ Жигарев, отдавали приказ, а не рекомендации, то все бы было исполнено! – с горечью проговорил Сталин. – Теперь, товарищ Шкирятов, расскажите о втором дне, как удалось избежать штурмового удара по вашему аэродрому. В письме товарищ Мехлис немного сумбурно об этом написал. Как вам одному удалось сбить двадцать два самолета?

– Сколько? – переспросил Жигарев.

– Двадцать два.

– Сколько я сбил, я не знаю, самолет устроен так, что назад смотрит только стрелок. У меня, кроме зеркал, нет возможности посмотреть назад и вниз.

– Нет там никаких зеркал, – недовольно пробурчал командующий ВВС.

– Вечером 22 июня мы перехватили отступающие без приказа части 12-й дивизии ПВО. В составе задержанных машин обнаружили действующую РЛС «Редут», которую поставили на дежурство. Ночью вылетали на бомбежку Рагнита, там пришлось бросать кассетные осколочные бомбы с превышением высоты. В этом случае после разрыва контейнера осколочная оборонительная граната Ф-1, которой начинены контейнеры, взрывается ближе к самолету, так

как она продолжает полет практически с той же скоростью, что и самолет, и плохо тормозится воздухом. Но в этом случае больший процент осколков попадает в цель, чем при наземном взрыве. Несколько осколков попали в мой самолет, который должен был утром идти на штурмовку немецких позиций под Ковно. В итоге на момент обнаружения идущих на аэродром немцев я взлетел с четырьмя осколочными контейнерами во всех бомболюках. Сбросить их было некуда, так как подо мной находились наши самолеты. У всех штурмовиков есть болезнь: маслом забрасывается объектив нижнего бомбового прицела, и через него ничего не видно. Но мы перед вылетом всегда их протираем. Увидев в прицеле «чайку», по угловым размерам я посчитал, что имею превышение двести метров, и понял, что могу сбросить контейнер на немцев, а в контейнере – двести гранат Ф-1. С разлетом осколков на двести метров. Первая девятка Ju-87 по мне даже огня не вела, видя, что я иду мимо, не пытаюсь их атаковать. Прицелившись, я сбросил контейнер, который по моим расчетам должен был поразить все самолеты, так как бомбардировщики сближаются перед атакой их истребителями. Результата я лично не видел, но все говорят, что упали все машины. Атаку на вторую эскадрилью пытались предотвратить два истребителя прикрытия, но один из них был сбит стрелком, а так как я сбросил скорость, то второй истребитель прошел подо мной и был сбит пушечно-пулеметным огнем. Эскадрилья попыталась сбить меня из пулеметов МГ, но я прошел и отбомбился и по ним, упало сразу семь, по докладу стрелка, а два упали чуть позже. Третья эскадрилья, увидев, что я над ними, сбросила бомбы и ушла в пикирование, но две машины из пике не вышли. После посадки в машине насчитали более сотни пробоин в хвосте и плоскостях и множество отметин от пуль на бронекорпусе.

– Врет, как сивый мерин! – не выдержал опять Жигарев. – У тебя бы крылья отвалились!

– Совершенно верно! Если бы это был «Ил-2». Но это «ЦКБ-55». Крылья у него – стрелчатые и цельнометаллические. Как мы видим, генерал Жигарев прекрасно знает уязвимую пятю «летающего танка». Да, на нем эта атака завершилась бы после атаки «мессершмиттов», а такой плотный огонь целой эскадрильи бомбардировщиков разорвал бы все в клочья. Машина, после двадцати часов ремонта, прилетела в Москву и стоит на стоянке Центрального аэродрома, товарищ Сталин. Сразу, как высох клей на заплатах.

– Товарищ Сталин, но вы ставили задачу как можно больше использовать дешевые и доступные материалы, – высказался какой-то гражданский, которого я не знал, не Ильюшин и не Яковлев, которых я узнал среди присутствующих. – Ведь алюминиевых заводов у нас мало, и весь металл идет на бомбардировщики. Стоит потерять еще один, и даже эту программу мы осилить не сможем.

– Что скажете, товарищ Шкирятов?

– Если будем использовать авиацию так, как сейчас, то потеряем не один завод. Сегодня летел с фронта в Москву. Чем дальше от фронта, тем больше в воздухе истребителей. Они занимаются барражированием окрестностей и вписывают себе в книжки боевые вылеты. Вместо создания ПВО участка мы жжем топливо и ресурс двигателя. Для примера, 22 июня 15-й полк нашей дивизии выполнил двести два самолетовылета, провел двенадцать боев. Три машины потеряны, четыре сбиты ими. Во второй день эскадрилья, приданная нашей группе, выполнила шестнадцать самолетовылетов. Летчики провели шестнадцать воздушных боев, один самолет потерян, восемь сбито. Каждый из ведущих сбил по самолету, один ведомый потерян. Больше над нашим участком немцы не летали.

– Нам кажется, что товарищи из ВВС и НКАП вам не верят, товарищ Шкирятов. Мы все едем на Центральный аэродром. – Он рукой показал, что все могут встать и двигаться к выходу. Я не знал, что делать. У меня машины не было.

– Товарищ Сталин! Разрешите вопрос?

– А что вы так засмущались, товарищ Шкирятов, что-то не так?

– Я не знаю, как смогу попасть на аэродром, товарищ Сталин. Здесь километров восемь, а машины у меня нет.

Сталин засмеялся. Выходящие из его кабинета остановились и с удивлением смотрели на Сталина.

– Он сказал мне, что пешком не успеет! Кто-нибудь, доведите его до аэродрома! Впрочем, товарищ Шкирятов, вы едете со мной!

Как я и предполагал, мой «горбатенький» был уже в ангаре, а рядом находился новенький серийный «Ил-2». Возле него стоял Владимир Коккинаки, с которым мы обнялись на глазах у всех. У «Ила» были фанерные крылья и перкалевые рули. Мой походил на больного оспой в тяжелой форме: звездообразные наклейки из перкаля густо усеяли плоскости и рули. Их просто приклеили клеем и даже не покрасили.

– Да, сильно отличаются, – резюмировал Сталин. – И что было переделано?

– Здесь кабина стрелка полностью была зашита листом дюралья, фонарь и пулемет были сняты. Восстановили кабину, сняли гаргрот и поставили на шкворень «ультраШКАС». Поменили местами пушки и пулеметы на крыльях, поставили дульный тормоз и уменьшили разброс. К сожалению, баки плохо протектированы, и потери топлива при простреле большие. И много хлопот доставляют колеса. Они не прикрыты броней и не имеют централизованной подкачки. Вообще нет информации, в каком состоянии у тебя колеса до посадки. Ну, и СПУ у него с «У-2». То есть отсутствует.

– Мы устанавливаем все баки с протектированием! – возразил Ильюшин.

– Пули при простреле дюралья загибают ему концы, которые не дают резине быстро затянуть пробоину. Проще и дешевле делать бак не из дюралья, а из фиброкартона, тогда бак будет и легче, и фибра не будет погибать.

– Так вы знакомы? – спросил Сталин у Коккинаки, показывая на меня.

– Да, товарищ Сталин, мы с ним познакомились осенью сорокового, потом он работал у меня в ЛИС завода, хотел его к себе забрать, но не сумел из-за травмы. Талантливый парень и очень тонко чувствует машину.

– Как вы оцениваете их работу по переделке машины?

– Ну, фонарь сработан на коленке, стрелок полностью открыт, и на предельную высоту ему можно только с кислородной маской, но это по бедности. И пулемет требуется посolidнее стрелку.

– У нас в полку ни одного УБТ просто нет. Этот «ультраШКАС», если помнишь, они штатно здесь в крыле стояли. Когда заявку на пушки выполнили, он и переехал с крыла в кабину. Хотели спарить, но не получилось.

– Где это тебя так отделали?

– В крайнем вылете пришлось дважды пройти над огрызающимися девятками Ju-87 на высоте сто – сто двадцать метров и подставлять брюхо.

– Красиво разукрасили! А зачем?

– Контейнер с осколочными гранатами сбросить.

– А к нам контейнеры еще не пришли.

– Помнишь первый вариант, который мы испытывали?

– С деревянными держателями? Конечно, помню! Мы их испытывали, товарищ Сталин, в Воронеже, замечательно по пехоте работают!

– Да, я уже в курсе. И не только по пехоте. Так что, товарищ Горемыкин, что вы можете сказать про контейнерные бомбы?

– К нам такая заявка из НКО не поступала.

– Что вы, товарищ Шкирятов, можете сказать по серийной машине?

– В условиях отсутствия сильного истребительного сопровождения летчик этого самолета больше похож на смертника, камикадзе. Не знаю, правда или нет, о таких во время халхингольских событий много писали. И деревянное крыло при попадании в него снаряда теряет до квадратного метра обшивки. Иногда больше. Или просто отлетает. Неустойчив продольно, и много приходится работать рулем высоты. Главное, заправочное отверстие одно, и топливо медленно перетекает из заправочной емкости в остальные баки.

– Товарищ Ильюшин, что вы можете сказать, как быстро вы сможете устранить недостатки «ЦКБ-55» и поставить его на поток?

– Очень многое зависит от смежников, товарищ Сталин, ведь только-только наладили выпуск бронекорпусов...

– Их все равно придется выпускать на других заводах, уже бомбят Смоленск, – тихо заметил я, и все замолчали.

– Что скажете, товарищ Жигарев? – спросил Сталин. – Нашли зеркала в кабине? Молчите лучше! Все понятно, возвращаемся.

Сталин по дороге молчал, я – тоже. Поднялись наверх, и тут началось! Ох, и крут «хозяин»! Жаль, что поздно. Я сидел тихонечко, чтобы под разборки не попасть. Голос у него тихий, и от этого только еще страшнее становится. Угроз прямых не было, будет действовать по закону. А закон что дышло. Ильюшин со страху пообещал, что через два дня партия в двенадцать машин будет собрана и отправлена в распоряжение товарища Шкирятова. На первом заводе есть двенадцать бронекорпусов «ЦКБ-55». Первый завод – это Москва. Он знал, что делает. Непринятие на вооружение кассетных бомб свалили на Ивана Филимоновича Сакриера, который, наоборот, увидел их действие первым из большого начальства и очень заинтересовался ими. Но в апреле сорок первого он был арестован вместе с бывшим командующим ВВС Рычаговым и помощником начальника Генштаба по авиации Смушкевичем. Так как испытания курировали Сакриер и Рычагов, то после ареста про них просто старались не вспоминать. Пришлось подать голос, и я, как образцовый ученик, поднял руку. Некоторое время на нее внимания не обращали, затем Иосиф Виссарионович недовольно посмотрел в мою сторону и спросил, в чем дело. «Отпроситься пописать, что ли?» – промелькнула идиотская мысль.

– Дивинженер Сакриер присутствовал на первых испытаниях, помог оформить заявку, и его АТ-4 должен был стать основным взрывателем на осколочных бомбах. Скорее всего, испытания остановили не потому, что их остановил он, а потому, что его сняли с должности.

Сталин промолчал, а я сел на место. Точки над *i* расставлены, теперь будем ждать реакции. Совещание, если его так можно назвать, закончилось за полночь, и ни плюшек, ни пряников я не получил. Тупо отсидел на месте в виде укоризны остальным участникам. Но на этом ничто не закончилось! Как только я покинул дворец, ко мне навстречу вышел тот самый политрук, о котором говорил Щербаков. Я про него попросту забыл.

– Вас ожидает замначальника ГПУ комиссар 2-го ранга Щербаков. Мне приказано доставить вас к нему.

Я посмотрел на время – 01:20, и тяжело выдохнул. Но приказы в армии не обсуждаются. И мы сели в машину.

– Мне говорили, что вы должны были найти моего стрелка и жену. Где она?

– В гостинице «Метрополь», там Управление селит отличившихся.

Больше ни о чем не разговаривали. Щербакову я сказал, что совещание закончилось, но никаких указаний от товарища Сталина я не получал и, честно говоря, совершенно не настроен говорить о том, что произошло в воздухе и на земле, пока не выясню позицию товарища Сталина до конца. Тем более это не должно уйти в газеты.

– Но товарищ Сталин подписал представление на звание Героя Советского Союза, и к ордену Ленина представлена ваша жена, точнее ваш стрелок-радист. Женой она стала позже.

– Но указа еще нет, и после совещания неизвестно, появится ли он. Вскрылись некоторые, не очень приглядные странички теперь уже истории.

– Вы серьезно?

– Да.

– Вас это касается?

– Меня персонально – нет. Но еще раз повторяю, товарищ Сталин мне лично ничего о каких-либо награждениях не сказал. Не ругал, но и не благодарил. Давайте подождем до утра.

– Утро начинается в Кремле в 14:00. Новости, скорее всего, поступят раньше. Так что находитесь в гостинице. Сейчас вас отвезут.

Так, еще новость! У меня и Аксины – разные номера! Сменить удостоверение личности она не успела. Хорошо, что вылетали прямо со свадьбы, и свидетельство о браке было в кармане. Сговорились они все, что ли, так стараются, чтобы мы ни в коем случае не стали супругами. Впрочем, из-за нервозности вообще ничего не хочется. Но добился от дежурной перевода нас в один номер – а это принципиально, потому что поселили ее в женском номере и не одну, а меня в мужском, где храпело еще трое товарищей. Сходил в буфет на первом этаже, но там, кроме водки и котлет, ничего нет. Поулыбался хмурой продавщице, в итоге раздобыл шампанское и коробку конфет. Не успели разлить его по фужерам – гости! Ильюшин и Кокки-наки с коньяком, фруктами и шоколадом. Ильюшин знакомиться решил, и они каким-то образом уломали дежурную их пропустить. Узнав о поводе для нашей «маленькой пьянки» и что нас прямо из-за свадебного стола утащили в Москву, тут же из номера решили вытащить нас в ресторан. Оказывается, в Москве и тогда существовали ночные рестораны. А у меня приказ Щербакова гостиницу не покидать. Так что остались в номере, но с гостями. Нашу «малышку» ремонтируют, меняют крылья, фонарь, ставят СПУ-2У, турель с УБТ, новую радиостанцию. Таким образом Ильюшин хочет замять дело. Тут же предлагает вариант «небронированного стрелка», как было в конце сорок второго. Но я ему напомнил, что Сталин приказал доводить «ЦКБ-55», поэтому второй раз подставить вместо коровы козу не удастся, и кончиться все может совсем плачевно. Здесь он со мной согласился, немного погоревав о будущих неполученных рабочими премиях. Просидели они почти час, затем удалились. Настроение устроить вечер со свечами исчезло, так как оба не спали всю прошлую ночь. Да еще и койки узкие и к полу прикрученные. Я проверил. Так что спать пришлось на разных кроватях. Садисты! Не успели закрыть глаза, звонок: Поскребышев, приказано прибыть в Кремль. Время – четыре утра. Ну и режим!

Спустился, внизу стоит машина – Сталин помнил, что у меня машины нет. Поднимаюсь, сразу рукой показали на кабинет. Кроме Сталина в кабинете Шапошников, Жуков и Тимошенко, доложил о прибытии.

– Из всего сказанного остался непонятным радиус действия новых штурмовиков, товарищ Шкирятов. Нам требуется силами четырех механизированных корпусов пробить коридор для вывода с Белостокского выступа третьей и десятой армий, которые уже, по оперативным сведениям, находятся в окружении. Сможет усиленная группа ваших штурмовиков действовать на таком удалении от вашей базы? Считая те машины, которые обещал поставить товарищ Ильюшин.

– Разрешите? – я показал на карту, разложенную на столе и прикрытую калькой.

Сталин взглянул на маршалов и генералов. Не заметив их возражений, рукой показал, что я могу ею воспользоваться. Я взглянул на масштаб и приложил линейку.

– До Белостока включительно, но с одной атакой в полной загрузке.

– Можете познакомиться с планом операции.

Мне подали листки. Дата, время, рубежи атак, задачи, силы, средства, силы противника, разведанные аэродромы. И ни одной пометки, что где-то действует наша авиация.

– Это, – я показал на прочерк в таблице, – полностью соответствует действительности?

– По всей видимости, да, – ответил генерал армии Жуков.

– В этом случае требуется ограничить продвижение частей 10-й и третьей армий рубежом Сувалки, а лучше Сейни, и ожидать подхода войск с северо-востока. С топливом и боеприпасами. Атака на Сейни предпочтительнее.

– Что я говорил! – сказал Шапошников.

– Мы примем это к сведению. Вы сможете обеспечить авиapoддержку прорывающихся частей по обе стороны выступа?

– Силами одной дивизии – нет. Требуются истребители, средневысотные и высотные.

– Много?

– Еще пару полков.

– Они у вас будут, двадцать шестого в 04:00 Москвы – начало операции.

– Есть.

– За работу, товарищи. А вы, товарищ Шкирятов, задержитесь.

«А вас, Штирлиц, я попрошу остаться!» – послышалось мне в тоне Сталина.

– Вы в курсе, что командующий ВВС Западного особого застрелился в 18 часов 22 июня?

– Нет.

– Вы понимаете свою ответственность, товарищ Шкирятов?

– Отчетливо, – чуть ухмыльнулся я.

– Что, тяжела шапка Мономаха, товарищ лейтенант?

– Младший лейтенант, товарищ Сталин. Это ничего, меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют. Терять мне особо нечего.

– Берите пример с меня: я тоже никогда Главнокомандующим не был. А войну требуется выиграть. Идите, полковник. Удостоверение получите у товарища Поскребышева.

«Шуточки у вас, однако, товарищ Глава Ставки Верховного Главнокомандования!» – подумал я, выходя из кабинета. Поскребышев рвет какую-то бумагу и протягивает мне приказ и уже подписанное удостоверение. Смотрю в него: выдано полковнику Шкирятову С. П., то есть фамилии совпадают, звания – не очень. Командующему Особой авиационной группы Северо-Западного фронта, далее ОАГ по тексту. Полномочия – так, мировая демократическая общественность отдыхает, исполнить ее затаенное глобальное желание и отстранить будущего Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Советского Союза не могу, так как напрямую ему подчиняюсь. В оперативном отношении мной командует «главный мясник». Придется срочно поправлять ножи! С волками жить – по-волчьи выть! Командует совместной операцией двух фронтов генерал армии Жуков, видимо специально отозванный из-под Киева. С полномочиями у меня полный порядок! Имею право привлекать, снимать, отдавать под суд военного трибунала всех военнослужащих, действующих в полосе действий ОАГ. Им надлежит дрожать и слушать. В общем, четвертый после бога и двух командиров. Получил свой «ТТ», выщелкнул из запасной обоймы патрон и сунул под петлицу реглана. Чтобы не забыть. Иду пешком от Кремля к «Метрополю». Возле него сидит инвалид с финской, или немецкий шпион, и, несмотря на раннее утро, торгует знаками различия, петлицами, всякой мишурой типа пряжек для ремня, частями португалии, знаков родов войск. Так сказать, филиал военторга. Знает, стервец, в какое время раздаются пряники в Кремле. Скупил у него все шпалы и две пары пустых авиационных петлиц.

– Поздравляю, товарищ лейтенант.

– Не мне, командиру.

– Ну, все равно поздравляю командира.

Оставил ему трешку на чай. Точно шпион. Но меня сейчас это не касается. Поднялся на четвертый этаж. Ксюша спит, даже не проснулась – устала, да и выпила ночью шампанского. Белокурые волосы красиво разметались по подушке. Остренькая грудка под белой маечкой

соблазнительно торчит, не прикрытая простыней. Правая рука засунута под щеку. Повесил реглан и спустился в буфет. Там привезли пирожные, свежайшие, есть кофе и разнообразные бутерброды. Вот только официантку навязывают, чтобы отнесла. В отличие от меня, она имеет ключ от лифта, поэтому пришлось воспользоваться услугами, но дальше дверей лифта я ее не пустил, подхватив поднос с завтраком в постель. Запах хорошего кофе и черта разбудит, Ксюша непроизвольно запахивает грудь. Ей помогают усесться на кровати и передают пирожное «Метрополь», бутерброды с черной икрой, твердой колбасой, вяленным мясом и чашечку кофе. Правая щека у нее в полоску, щеки розовые – смущена и еще не привыкла к такому пробуждению. Впрочем, это, наверное, повторится не скоро, так что не привыкнет. Свой завтрак расположил на тумбочке.

– Давно пришел? Я не слышала, как ты открывал дверь.

– Ты крепко спала. Но пришлось разбудить. Завтракай, и надо добираться на аэродром. Мы улетаем.

– Но Щербаков сказал, что сегодня состоится награждение.

– Есть дела более важные, Ксюша, времени задерживаться в Москве совсем нет.

– Вкусно! Никогда такое не пробовала!

Я передал ей еще одно пирожное, а она отдала мне часть бутербродов. Я забрал у нее поднос, когда она закончила завтрак. Потом она несколько секунд раздумывала, что делать со мной, ведь ей нужно было вставать. Потом решительно скинула простыню, показав длинные и ровные ноги, скинула их с кровати и встала. Я стал рядом и поцеловал ее. Фигура у нее что надо! Такую фигуру и в форму! Это издевательство над женской натурой.

– Доброе утро! И с началом нового дня! – я разжал объятия, потому что это могло затянуться на очень долго, а приходилось поспешать. Ксюша красиво и грациозно потянулась, продемонстрировав поднявшиеся за руками красивые небольшие груди с острыми сосками. Взяла со спинки кровати лифчик и, отвернувшись, подцепила его.

– Застегни, пожалуйста!

Крючков и пластиковых застежек не было, две белые пуговицы и довольно тугие петли. Она прошла в туалет, которым, к счастью, был оборудован номер, и через несколько минут мы вышли из номера, сдали ключи и расспросили дневальную, как добраться до Центрального. На выходе «инвалид» внимательно посмотрел на мои петлицы: лейтенант, как и было. Ох, неспроста тут сидит этот инвалид. С регланами в руках – было жарко – мы подошли к остановке и минут пять ждали первый автобус. Движение только начиналось. В половину седьмого мы были в ангаре. Бригадир слесарей сообщил, что им осталось полчаса и что можно начинать подготовку к вылету, самолет они нам подготовят. Отнесли карты в штурманскую часть, сообщили в Кубинку, что вылетаем, я составил заявку и расписался в журнале регистрации полетов, получил каналы связи и позывной. Выходим из здания КП и идем к ангару.

Часть 5

Здесь доверяют только проверенным

Перед ним стоит автобус с военными номерами. Вошли в ангар, а там целая делегация: Щербаков привез награды и вручил их нам, нас несколько раз сфотографировали, но Щербаков сказал, что мои снимки будут отретушированы перед публикацией. И не будет указано, за какие заслуги вручена медаль Героя. Выкатили самолет, осматриваем его, еще одна делегация – Жуков остановился возле машины.

– Будешь раньше меня, займись комплектацией группы. Почему у самого не все затребовал? Голой жопой воевать собрался.

– Буду позже вас, товарищ генерал армии, у меня две промежуточные посадки – в Кубинке и в Вегайцах.

– А в Кубинке зачем?

– У меня ни одного патрона.

– Твою мать!

В бомболюки погрузили свежие газеты «Правда» и «Красная звезда», кстати, с Указом о награждении. Проследил, чтобы не напихали слишком много. Осмотрел самолет, расписался в журнале и запросил разрешение на запуск, сунув одну из газет под спинку парашюта. Неожиданно быстро получил добро на запуск и прогрев на рулежке. Меня выпроваживали, освобождая место для взлета «ПС-84» и прикрытия Жукова. У них боеприпасы, само собой, присутствовали. Взлет-посадка. Правда, на этот раз никто не сопровождал до Кубинки. Там ставлю машину на стоянку, и приходится ждать вооруженцев.

В подвале «Правды» опубликовано об аресте бывших ответственных работников Жигарева и Яковлева. Хотя и по делу, но я им не завидую, совсем.

А Ксюша прикольно смотрится с громадной пулеметной лентой для УБТ, которую ей самой приходится спускать в кабину в новый ящик. На крыльях возятся вооруженцы, раскладывая шесть тысяч выстрелов для «ультраШКАСа» и триста выстрелов для пушек. До Верайцов летим без РС. Обязательный долив топлива, стоим неподалеку, наблюдаем, как медленно это делается. Затем заправщики затирают маленькие разливы, и машина готова. Восьмерка, которая сопровождала меня сюда, усохла до пары. Так втроем и стартуем в сторону Белоруссии.

По дороге меня всю развлекала Аксинья. Теперь ей для этого достаточно нажать на кнопку. У меня новое кресло, и у нее – тоже. Вместо сплошной брони между кабинами толстое 68-миллиметровое бронестекло, а головы у обоих дополнительно закрыты сферическим подголовником, достаточно просторным, чтобы шлемофоном не цепляться. Надо еще переделать немецкий шлемофон под наши «папа-мамы», и будет совсем хорошо, а то в нашем «летнем» недолго и тепловой удар получить. Ксюша ржет над тем, как ее встречали в ГПУ, рассказывает смешные истории, которые произошли вчера, но в зеркале вижу, что головой постоянно крутит и осматривается. Доклады об обнаруженных целях идут регулярно, так что я ее не прерываю. Вообще-то мы с ней хорошо если десятком-другим фраз с момента знакомства успели перекинуться, а в остальном и я для нее, и она для меня совершенно темные лошади. От ГПУ разговор плавно перешел к семье, она – старшая дочь, есть еще две. Жили в Крыму, а после сентября тридцать девятого отца перевели на западную границу. На заводе работает второй год, работа ей нравится, тем более что удалось осуществить мечту и начать летать, пусть и стрелком. Заканчивала аэроклуб при заводе и должна была получить удостоверение летчика, надеялась стать испытателем ЛИСа.

– А у тебя парень был?

– Был, теперь уже был, он в Каче учится. Ой, неудобно получилось, я же ему еще не написала, что замуж вышла.

– И не пиши, не расстраивай человека. Адрес у тебя сменился, поэтому никакие письма уже не дойдут. Не жалеешь, что так скоропалительно вышла замуж?

– Я не знаю, что со мной произошло. Обычно я очень долго схожусь с людьми. Здесь еще и специфика работы сказывалась. Пытался за мной ухаживать один товарищ с завода, но у нас ничего не получилось. Как стена встала. А ты ни одного знака внимания мне не оказал. Вообще. Все сухо, чисто по делу, да еще сказал, что я тебя не интересую. Я считала, что тебе худенькие не нравятся.

– Нет, фигура у тебя замечательная!

– Правда? Мне все вокруг говорят, что я худышка и грудь маленькая.

– Не маленькая, а аккуратная.

И уже нажав другую кнопку:

– Восьмой – ноль первому. Справа, час, выше два – группа самолетов.

– Ноль первый, принял, наблюдаю.

«Чайки» перестроились, заняв позицию впереди меня.

– Что там? – спросила Аксинья.

– Пока не видно, четверка какая-то. Наши так не летают.

Но самолеты оказались нашими, «Ил-4», возвращается «девятка» из дальней авиации.

На подходах к Верайцам приказал уйти на бреющий, так около часа и летели. На этой высоте не поболтаешь!

В Верайцах выгрузили газеты из обоих внешних и подвесили восемь РС. Руки бы, сволочам, поотрывал! Пришлось пассатижами править мятые «крылышки»! Раскрываемые так и остались на бумаге! А ведь все оформлено, и даже патент выдали, только все остановилось непонятно, вернее понятно, на каком уровне. Абвер форева! Не удивлюсь, если это уже там.

– На хрена такое дерьмо повесил?

– Своим править не успеваем, – буркнул пожилой вооруженец и свалил.

Я в эскадрилье «правилку» сделал, которая одним щелчком их и правит, и закручивает под углом два градуса. Здесь это никому не нужно, есть же пассатижи, ну и что, что полетит криво? Наконец, дозaprавились и взлетели. Время идет, а оно бесценно, но связью не воспользуешься, по местным нормам я никто и звать меня никак, так как в командование группой не вступил, не расписался в соответствующих журналах и не получил право доступа к ВЧ, свой позывной и код. Поэтому и приходится гнать лошадей. Хорошо, что обслуживают быстро, кстати, из-за газет. Их чуть ли с руками не отрывают. Дела на Западном совсем плохи. Легкая паника видна невооруженным глазом.

Срываемся и уходим на предельно малой высоте на Кейданы, курсом двести шестьдесят два. Маршрут я проложил так, что ни одной деревни под нами нет, никакого ВНОС не будет, если только случайно кто обнаружит. Каналы наверняка вскрыты противником и читаются как книга. По ним и наводят свои «мессеры». Где-то у Бряслава войдем в зону их действия. Слева они уже могут иметь аэродромы или площадки подскока. А пара «чаек» и «Ил» для них семечки. Вот и прижимаемся к верхушкам леса. Режим огибания местности в местном исполнении. В районе игналинских озер слева шел воздушный бой, но мы проскочили тишком и низом. У Свентожи последовал запрос позывных от операторов родного «Редута». Бдят! И это здорово!

Проскакиваем последние километры и с воздуха обнаруживаем большое количество танков. А летаем тут не только мы! Ju-86 нам попросту не достать. Бардак! Сажусь и заруливаю к своему капониру, но он занят! В нем стоит какой-то ПС. Мне дают отмашку рулить к лесу у Смилды, что совсем мне не нравится, и я направляю машину обратно и рулю прямо к стоянкам напротив штабной землянки. Что-то командира Особой не так встречают, как положено!

Где почетный караул? Где оркестр, в конце концов? Начинаю злиться на устроенный бардак. Операция еще не началась, но диспозиция уже у противника. Так в войнушку не играют!

– Ксюша, скажи, чтобы под сеть затолкали.

По-прежнему ни одного встречающего. В Верайцах, пока перезаправлялись, свои кубики успел поменять и на реглане, и на гимнастерке на кучу шпал. О, бежит встречать! Никак дежурный! Орет на ходу:

– Лейтенант, какого хрена свою корову сюда припер? Убирайся на назначенную стоянку! На губу захотел? – это майор Туровцев, помначштаба, и с повязкой дежурного по аэродрому. Я остановился, подбоченился, распахнув при этом реглан. Ха-ха! Кто из нас, интересно, сейчас на губу пойдет? Блестящая звездочка с орденом Ленина привлекла внимания больше, чем петлицы, густо усаженные шпалами.

– Найдите место для стоянки поближе к штабу. И не слышу доклада, товарищ майор!

Красную рожу полноватого майора надо было видеть!

– Товарищ полковник, 61-й штурмовой полк проводит боевые вылеты в районе Ковно – Тильзит, личный состав рассредоточен по аэродромам подскока. Здесь на аэродроме располагается штаб оперативной группы товарища Жукова.

– Здесь в первую очередь располагается штаб Особой авиационной группы. Прибыл ее командующий, а его никто не встречает. Его машину засовывают куда-то в задницу... Что за дела, товарищ майор?

– Нас не предупреждали об этом.

– Ладно, распорядитесь, чтобы машину убрали в капонир, кстати, кто мою стоянку занял?

– Борт товарища Жукова.

– Переместите куда-нибудь. Мне там привычнее.

– Но как же, это же самолет генерала армии!

– Он что, там в него садиться будет? А её экипаж точно из полковников не состоит. Это мой капонир.

– Есть, товарищ полковник! Сейчас организую.

– Пусть ракеты снимут и заменят на наши, и там в бомболюках – газеты утренние. Разгрузите и отправьте на аэродромы подскока.

Так, одного построил! Но это мелкая сошка. Все остальное впереди. В штабной землянке пусто, кроме дежурного по штабу, никого.

– Где Мамушкин?

– В штабе, его там дрючат уже пару часов, – ответил капитан Никольцев, с которым у меня были очень хорошие отношения.

Вышел и пошел к зданию штаба. Совсем бояться налетов перестали! Не дело! Крыша у штаба оцинкованная, и никто ее так и не покрасил. Сверкает, как медный грош прямо со станка.

– А, прибыл, лейтенант! – громогласно объявил генерал Жуков. – Ну и бардак здесь у тебя!

– И я даже знаю, кто его устроил! Степан Наумович! Шифровальщика сюда вызовите, пожалуйста! Шифруй! «Москва Кремль товарищу Сталину точка прибыл на место, запятая, план сосредоточения войск стал известен противнику из-за несоблюдения элементарных правил маскировки силами 3-го мехкорпуса. Точка. Отсутствует транспортная авиация, запятая, не подготовлено топливо к переброске окруженным частям. Точка. Приданные силы Особой авиационной группы по-прежнему работают по старым планам Ковно – Тильзит. Точка. Готовлю штурмовые удары в районы Пренай, запятая, Алитус. Точка. Командующий Особой авиагруппой полковник Шкирятов». Отправляйте.

– А кто тебе сказал, что план известен противнику? – взревел Жуков.

– Степан Наумович! Разведчик в 04:30 пролетал?

– Конечно! У него расписание.

– А я с высоты пятьдесят метров все машины сейчас пересчитал. Они что, на маневры сюда прибыли? Не в курсе, что противник за ними наблюдает и здесь под каждым кустом сидит агент абвера? В войнушку решили поиграть? Это не войнушка и не маневры, и противник у нас очень серьезный. Гот сейчас уже разворачивает свои силы против обнаруженного корпуса. Мы и так у него занозой здесь сидим, а тут к нам танки подтянули. И вместо того чтобы наводить порядок в собственном огороде, тут моих людей строят. Ионов вызвали?

– Нет, сам приедет.

– Степан Наумович, распорядитесь пригласить командующего ВВС фронта. И связь с Мирошкиным где?

Мамушкин показал рукой на угол. Я ушел туда и связался с Зибулями. Мирошкин в воздухе, на месте Николай Мальцев.

– Коля! Организуй разведку участка Пренай – Алитус – Вильно. И готовь к вечеру машины в район Белостока, и с немецкими, и с нашими движками. Сейчас тебе доставят приказы, которые необходимо отправить командирам двух корпусов – 17-го и 6-го, и командованию двух армий – 10-й и 3-й. Мирошкину передай, чтобы сворачивал работу и шел домой. Направление работы срочно меняется. Как понял?

– Понял, направляю.

– Товарищ генерал армии! Направлена разведка в треугольник Пренай – Алитус – Вильно в целях предотвращения флангового удара по нашей группировке. Работа в направлении Ковно – Тильзит остановлена, группа в течение часа будет перенацелена на направление действий по деблокаде Белостокского выступа. И, товарищ генерал, этот домишко виден на сотню километров в округе. Для штаба он совсем не годится.

Вошел шифровальщик: «молния» на имя генерала Жукова и полковника Шкирятова.

– Давай! Успел пожаловаться!

Прочитав, передал мне и приказал всем выйти. Мы остались один на один.

– Вот что, Шкирятов, давай по-честному, ты всерьез считаешь, что операцию удастся провести?

– Если не пороть горячку, то да. Очень жаль, что Генеральный штаб не обратил особого внимания на скрытность переброски войск. Теперь к нашим баранам: с одной стороны, для меня это хорошо, что нас обнаружили. Гот не рискнет рыпаться на Вильну, пока у него на левом фланге мехкорпус. Но, товарищ генерал, 12-й корпус необходимо перебрасывать скрытно. А я буду долбать колонны Гота. А строить меня не надо. У нас цели и задачи разные. Вас отпустили, а меня оставили, помните?

– Ну, помню.

– Знаете, что он мне сказал?

– Нет, конечно.

– Он напомнил мне, что командующий ВВС округа застрелился в 18:00 22 июня. Я думаю, что Птухин сделает то же самое. И Ионов тоже бы застрелился, если бы не действия моей группы, но немцы уже под Либавой. В общем, вот здесь у меня лежит «последыш», и мне терять особо нечего. Мы это сделаем, лишь бы снабжение не подвело, но это уже больше по вашей части.

– Ладно, полковник, настроение мне твое понятно, вот только сил у тебя маловато. И там ничего не попросил.

– А там ничего и нет, мне «ЛаГГи» нужны, а их на Дальний Восток отправляют.

– Вот это решается. Обещал же он два полка.

– Обещал, только где их взять. Ладно, вы все-таки переберитесь отсюда. Слишком заметное сверху здание. А я пойду посмотрю, сколько машин собрано. Разрешите идти?

– Не держу.

Я вышел из зала связи, увидел Степана Наумовича.

– Степан Наумович, разрешите?

– Слушаю вас.

– Может быть, прогуляемся до ПАРМа?

Он пожал плечами. Не думаю, что такая перемена позиций его устроила, но деваться некуда, 61-й полк, 7-я и 8-я САД переданы в Особую группу. Приказ об этом уже получен. Не было указано, кто группой командует, но упомянут личный Представитель Ставки. То, что им оказался бывший младший лейтенант 61-го полка, вызывало определенные «но».

– В группе должен быть толковый замкомандующего, который возьмет на себя все тыловое обеспечение, связь и тому подобное. Группе поставлена задача обеспечить воздушную поддержку прорыва из окружения двух армий, находящихся на Белостокском выступе. В кольце немецких войск. От Ковно до Августова – сто тридцать четыре километра. Сил у нас немного, примерно полнокровная дивизия, может, чуть побольше. Основной ударной силой будет наш полк: наших семнадцать машин плюс сорок, которые собираем, и из Москвы завтра должны прилететь еще двенадцать.

– У нас шестнадцать машин, Грушин погиб. Над целью засбоил мотор, Михалыч приказал выходить и четверке его прикрыть. Двое из «ястребков» выйти из боя не смогли. Тройку перехватили «охотники» и всех сбили.

– Вечная память. Первым в полку.

– Не первым, шестым, это в твоей группе первый. Так ты говоришь, замом? Ну, деваться некуда. Как там, в Москве?

– Долго рассказывать. Устал. Нервная там обстановка. Арестован Жигарев, снят и арестован Яковлев. Приказано доводить «ЦКБ-55» до ума, и дальше будем получать двухместные машины в старом корпусе. Но когда это будет, неизвестно. Двенадцать машин идут собранные в старых бронекорпусах.

– Ну вот, собираем. Тридцать два готовы. К вечеру закончим остальные. Из Зибудей прислали восемь человек, они облетывают. Двенадцать человек пересадили, зачеты сданы. Сегодня должны и остальных пересадить, вот только количество истребителей уменьшается. Тришкин кафтан какой-то. Ноги укрыв – плечи мерзнут.

– Вон Ионов летит, за счет других полков будем затыкать дыры. Всех безлошадных сюда согоним. Пойдемте встречать, Степан Наумович?

– Ну, да. Начальства развелось, плюнуть некуда!

С Ионовым ссориться не пришлось, он прочел удостоверение и приказ Ставки, понял, что судьбу генерала Копеца он не повторит, поэтому согласился срочно перебросить сюда зенитную артиллерию и транспортники и передать всех безлошадных в Особую группу. К 16:00 Жуков обещал перебросить дизельное топливо и бензин для танков, тару и людей для организации воздушного моста в Белосток.

Тут прилетел Николай с данными по треугольнику: все три моста в Алитусе целы, в городе немцы, танки на правом берегу Немана. Колонна танков движется к Ковно по грунтовой рокадной дороге. Кампфгруппу он засек. Я показал большой палец и созвонился с Зибулями. Через тридцать минут взлетаем.

Мою машину переснарядили кассетами и подвесили все шестнадцать ракет РС-82. Гришин и Петров уже находились здесь. У Петрова только тридцать пять «ишачков», которые тоже пойдут под Алитус, у Гришина полк Бобрика и полк Путивко: «ишаки» и «МиГи». К вылету готовы. Группа собралась у Ионавы. Построение – этажеркой. «Илы» и «чайки» внизу, сверху тридцать шесть «ишачков» и еще выше двадцать восемь «МиГов». РЛС видит несколько машин в районе Преная, дальше не достает, нужно сменить место, но не сейчас.

Я нашел дорогу, и мы идем над ней. Коля летал на бывшем немецком «шторыхе», так что нас не сильно ждут. Другая авиация там не летала. Колонну прикрывало двенадцать «мессеров», но их сумели утащить на виражи «ишаки», а мы поймали колонну у входа в Визионскую рошу. Колонна жутко пылила, поэтому не смогла нас обнаружить. Южный ветерок помог. Шестнадцать машин прошли над ней, сбрасывая кассетные бомбы, как противотанковые, так и осколочные. Затем тремя заходами отработали эрэсами. Вторая волна штурмовиков, где летели почти сплошные «перворазники», отработала 50-килограммовками по второй колонне, где в основном была пехота. Три штурмовика получили повреждения и ушли домой, но под прикрытием. Было немного странным для остальных летчиков, что немецкие истребители от боя уклонялись. Ждали отставших и поврежденных. Возле них они проявляли активность, но если прикрытия не ошибалось, то все заканчивалось благополучно. На возврате один из «Илов» сел на вынужденную и был сожжен «мессерами» до того, как приехала техпомощь. Во второй вылет с нами пошло три девятки «СБ» и «АР-2» 46-го полка фронтовой авиации, которые смогли разбомбить один из трех мостов, потеряв шесть машин над Алитусом. Мосты хорошо прикрыты зенитной артиллерией. Там ее много.

Но день оказался полон неожиданностей! Ближе к вечеру я уже еле ноги переставлял после двух бессонных ночей и трех вылетов подряд, забрался в комнате на кровать и уснул. Честно и откровенно послав все подальше. Ночью опять предстояло лететь к этим дурацким мостам. Два из них продолжали функционировать.

Поспать дали чуть более часа. На аэродром приземлилось шесть «ПС-84», которые привезли дивинженера Сакриера и опытную партию тех изделий, которые испытывались до апреля сорок первого на полигонах Управления снабжения и вооружения ВВС. Ну, внешне Сакриер выглядел не лучшим образом. Он сидел возле колеса «ПС-84», но на нем была форма. Мне были переданы грузовые документы на содержимое самолетов. Отряд машин прибыл в наше распоряжение из Москвы. Требовалось их разгрузить и использовать для переброски топлива и других грузов. Он не стал здороваться, отдал честь первым и спросил:

– Машины есть? Подавайте машины и людей на выгрузку.

– Что здесь?

– Взрыватели АТ-4 на двух бортах. Контейнеры на одном борту, остальные идут литерным. И ракеты РС-82рк с направляющими для «Ил-2». По сорок восемь на машину. И необходимые приспособления для пуска этой модификации с крыльевых установок. До сорока восьми ракет.

– Сколько установок?

– Двадцать восемь, на четырнадцать машин. Обещали срочно изготовить партию на шестьдесят четыре машины. Почему столько, мне не известно. Вчера ночью чертежи ушли на завод. Сюда я, собственно, для того, чтобы обучить вооруженцев обращаться с взрывателями и снаряжать кассеты, показать, как ставить пусковые установки и подвешивать на них ракеты. Потом обратно в Москву.

– Так вас освободили?

– Не совсем, но к исполнению обязанностей я приступил, так же как и Таубин. Соберите людей, времени, говорят, у нас совсем мало. Когда успел? – он пальцем показал на звезду.

– Двадцать второго – двадцать третьего.

– Неплохо для начала.

Я показал в направлении классов для занятий, и он попросил меня помочь донести ящики. Одна рука у него не работала. Чекист пошел за нами, помогать он не стал. Благо не так далеко. Так что утром будем испытывать полностью ракетный «Ил-2».

Если со взрывателем ни у кого особых вопросов не возникло, внешне он выглядел абсолютно точно как верхняя часть УЗРГ, остальная суть спряталась внутри и была понятна, то удлиненная «труба» без выступающих «крылышек» вызвала аплодисменты. Из-за них, про-

клятых, ракеты летали куда хотели. Без взрывателя ракета была «инертной» и «безопасной», поэтому «перегружали» ее не шибко аккуратно товарищи красноармейцы. В итоге, после многочисленных перегрузок, стальные выступающие крылышки оказывались смяты так, как бог на душу положит. Их правили в основном пассатижами. Я, да и другие «умельцы» делали приспособы различные, чтобы их расправить и даже подкрутку дать. Но далеко не всегда эта приспособа оказывалась под рукой.

Эта модификация была круглой, без выступающих частей. Шесть довольно длинных, складных крыльев были прикрыты специальным стаканом, который улетал назад, а стягивающаяся нитка перерезалась в момент схода ракеты с направляющей. Крылья раскрывались под строго определенным углом, придавали ракете вращение с довольно значительной скоростью и стабилизацию в полете. Дополнительной изюминкой являлась новая боевая часть с двумя запалами, как и прежде для ОФ, но с готовыми осколочными элементами, и кумулятивная – для стрельбы по бронетехнике и дзотам. Ракета была длиннее на треть, по весу тяжелее на девятьсот граммов, из них шестьсот граммов приходилось на вес новой боевой части. По весу заряда она равнялась 132-миллиметровой ракете. Температура осколков при разрыве почти тысяча триста градусов. Вместо одного орудия РО-82 устанавливалось три, так как размах крыльев старой ракеты был двести миллиметров. Всего сорок восемь штук, по двадцать четыре на крыло. Дальность стрельбы не изменилась и составляла шесть километров сто метров. Сама установка запитывалась от стандартного ЭСБР-3п(РО). Стрельба велась поодиночке, разнесенной парой, тройкой, через одну, шестью ракетами или все двумя залпами через одну. В общем, все, что я хотел, было воплощено в металл. Это предстояло проверить на войсковых испытаниях. Полигонные на самолете «Ил-2» были завершены на семьдесят два процента, потом встали из-за ареста.

Я спросил у Ивана Филимоновича, сколько новых ракет привезли и сколько их выпущено.

– Привезли мы только то, что было на складе: триста двадцать штук. В Ленинграде, на Арсенале, вся необходимая документация имеется, одна из линий была настроена, там дополнительно всего несколько операций. К сожалению, сказать о том, выпускаются ли они сейчас, я не могу. Приказ о выпуске Народным комиссариатом боеприпасов существует, но ему еще суток нет. Горемыкин вчера подписал. Ждем.

– Тогда вешайте на мою машину, у меня ЭСБР-3п(РО) стоит. Он у нас не на всех машинах. Больше половины имеют один ЭСБР-3п.

– Значит, требуется дополнительно монтировать второй. Какие ракеты грузить?

– Осколочно-фугасные с готовыми элементами. Предстоит работать по МЗА и прожекторам.

– Тогда, товарищи, приступим. Я, к сожалению, пока только пальцем могу показывать, куда и как ставить.

Я добрал еще полтора часа сна, затем более получаса меня инструктировали, как пользоваться моей же установкой, поставил везде подписи о внеплановом инструктаже, а как же: «бухгалтерия» и «бюрократия». Теперь, если я не вернусь, то сам допустил ошибку – «человеческий фактор» и «ошибка пилота». Пять машин загружено парами бомб, а моя – сорока восьмью ракетами. Подсвечивать нам будет «СБ» из 46-го СБАП, экипаж которого посмотрел на нас как на сумасшедших – штурмовка, и ночью! Ниче, парень, ты у нас главным отвлекающим поработаешь, ты, главное, шуми побольше и свети поярче. И не уподи не вовремя!

«Редут» к тому времени сменил место дислокации и отъюстировал антенну на новом месте. Ему бы гирокомпас поставить, чтобы курсы давал, а не курсовые углы, но сельсина у него соответствующего нет. Не предусмотрен.

Все, проинструктировал ведомых, отдал приказ, доложил в Ставку, что вылетаем. Ждать ответа не стал, взлетел. Уже в воздухе получил ответ Сталина. Не спит, как и мы.

«Редут» немецких ночников не видит, подходим по графику. Сорок шестой полк старается, все это осиное гнездо разворошил. Ни хрена себе, сколько прожекторов и зениток наставили! Понимают, стервецы, что все на этих двух ниточках держится. С высоты пятьсот вхожу в положение пикирование. Дальномер бы! Но приходится работать по ориентирам. Справа от моста – аэродром, на котором явно готовят «ночников» к вылету. Сработала ОАБ, и я вижу «мессера» на взлетке. С трех с половиной километров атакую его ракетами. Трассера нет, виден только хвост пламени, а я перенавелся на батарею осветителей. И послал туда пару. Отворачиваю, доклад Ксюши: два взрыва на аэродроме, два прожектора погасли, на аэродроме – пожар. Столбы прожекторов заметались. Кто-то, видимо, услышал звук моего мотора. ОАБ погас, пока, кроме прожекторов, ни фиги не видно. Аккуратно разворачиваюсь, мои еще далеко, работаю я и «СБ». Его захватил прожектор, и заговорила батарея 88-миллиметровых. Резко доворачиваю и пускаю три раза по паре ракет. Затем опять по прожекторам, которые его поймали.

– Спасибо!

Он, гад, меня еще и сдает! Стучу пальцем по кнопке радиации: «Молчи, самка собаки!» Медленно выкручивается, увалень! Проходит почти пять минут, еще раз ОАБ. Так, «месс» на месте, похоже, не взлетел, рядом что-то горит. Прожектор работает один, захожу на него, пуск. И тут же слышу:

– Сброс! – это Михалыч.

Два взрыва, похоже, двойных. Эх, подсветить бы! Блин! Фотаб! Промаргиваюсь с отворотом. Предупреждать надо! Но «СБ» на боевом, еще раз вспыхнул ОАБ, и через минуту Паша сказал:

– Сброс.

Тоже два взрыва. Пять минут маневрируем, у немцев все погасло. Но загорелись огни на аэродроме. Ни хрена не вижу, но бью в район их старта. Опять фотаб, и опять без предупреждения, сволочь.

– Оба в воде, я – домой.

– Свечку сбрось!

– Бросаю.

Взрывы на аэродроме впустую, огни погасли, кто-то взлетел. Но мы отходим. Работать без осветителя невозможно, а этот – слишком медленный. Снизилась и идем домой. «Редут» поймал немца, он сзади и много выше. Пусть полетает. Доклад в Москву через штаб группы: мосты через Неман у Алитуса уничтожены.

Пуповинку мы у Гота оторвали. Утром зачистим! Могут сразу начать наводить понтоны. Они ребята упертые. У меня открыт один бомболюк. Курс держать неудобно. Но это мелочь. На земле разберемся.

– Ксюшенька, ты как?

– Люблю тебя, чисто!

Да, с любовью у нас при такой работе напряженно. Только по СПУ. А самолет решил в прятки поиграть: при посадке бомболюк закрылся.

На земле немного грустные новости: приказ удалось передать только в два штаба – 17-го мехкорпуса и 3-й армии. Штабов 6-го корпуса и 10-й армии не найдено. Армейский приказ передан 6-му кавалерийскому корпусу, а штаб 3-й армии обещал найти свой 6-й мехкорпус. За ночь выполнили тридцать один самолетовылет с топливом для Т-34 и КВ. Бензин для старых танков прибыл только к утру, когда возить было уже слишком опасно, транспортников было слишком мало, да и раскрывать операцию мы не рвались. Из-под Ленинграда в наш адрес вышли еще машины 5-го воздушно-десантного корпуса. В котле техника стоит без топлива, армейских запасов на сутки не хватило, а склады в Белостоке и Бресте сожгли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.